

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LVI
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2017

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
emer. prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc. (Bratislava)
проф. Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н. (Санкт Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jindriska.kapitanova@upol.cz, jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Bc. Otakar Loutocký

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)

Náklad: 45 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

2

Num.

Vol. LVI

Olomouc 2017

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2017 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LVI
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2017

STUDIE – ARTICLES – СТАТТІ

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ ГРИЩЕНКО: Правленое славяно-руское Пятикнижие XV века и тюркский таргум: проблема взаимного влияния.....	5
ОЛЕГ ДЕМЕНЧУК: Динаміка розвитку семантичної парадигми ірраціональної лексики (на матеріалі української та польської мов)	53
RENÉ ANDREJS: Naděžda Melniková-Papoušková: Osudy ruské emigrantky v Československu	67

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

Michala Benešová, Renata Rusin Dybalska, Lucie Zakopalová a kol.: Fenomén: Polská literární reportáž (Jan Jeništa)	81
Agata Skurzewská: Omelan Patrycki i językoznawstwo preskrypcyjne w Galicji w II połowie XIX wieku. (Uljana Cholodová)	83
Тамара Гундорова: Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми. (Radana Merzová)	86
Михаил Эпштейн: От знания – к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир (Екатерина Микешова)	90

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ ГРИЩЕНКО

Россия, Москва

**ПРАВЛЕННОЕ СЛАВЯНО-РУССКОЕ ПЯТИКНИЖИЕ
XV ВЕКА И ТЮРКСКИЙ ТАРГУМ: ПРОБЛЕМА
ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ***

АБСТРАКТ:

Alexander I. Grishchenko. The Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th Century and the Turkic Targum: A Problem of Mutual Influence

The article deals with the extraordinary case of intercultural, interconfessional, and interlingual contacts between Orthodox East Slavs and Turkic-speaking Jews – most likely Karaites – in the second half of the 15th century in the Grand Duchy of Lithuania, perhaps in Kiev. The Slavonic-Russian Pentateuch was edited according to the Turkic (Western Kipchak) Targum of the Torah which was preserved in the Karaim manuscripts known from the early 18th-century and later copies and the 19th-century printed editions. Now, the earliest copy of the Old Kipchak Targum from the 1470s–80s has been found. Furthermore, some textual readings of the Karaim Targum of the Pentateuch seem to have been influenced by the Russian-Slavonic Bible, although this issue is rather disputable.

* Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных – кандидатов наук МК-1338.2017.6, проект: «Лингвотекстологическое исследование славяно-русских пятикнижий, правленных по Масоретскому тексту». Автор выражает глубокую признательность за ценные советы и помощь Анатолию Алексеевичу Алексеву (С.-Петербургский государственный университет), Алексею Алексеевичу Гишпиусу (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва), Михалу Немету (Ягеллонский университет, Краков), Александре Евгеньевне Соболевой (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва), Дану Шапире (Университет Бар-Илан, Израиль).

KEY WORDS:

Old Russian literature – Jewish-Christian relations – Church Slavonic – Ruthenian – Biblical studies – Biblical translations – Targumim – Turkic – Karaim – Karaites.

Среди списков четъего церковнославянского перевода Восьмикнижия выделяется своей многочисленностью и зависимостью от еврейской Библии – Пятикнижия по Масоретскому тексту (далее МТ) – группа девятнадцати рукописных пятикнижий, датируемых с конца XV в. до начала XVII в. Впервые на эту зависимость обратил внимание А. Х. Востоков [1842: 29–33], который обнаружил в рукописях *Рум.27* и *Рум.28*,¹ во-первых, деление на синагогальные недельные главы («парашийот» или «парашот»; однако Востоков не связал напрямую деление текста с еврейской традицией), во-вторых – что «некоторые имена собственные писаны сходно с еврейским произношением», встречаются «имена по правописанию еврейскому».

В дальнейшем обширную статью с большим количеством примеров из рукописей *Волок.7* и *Волок.8* данному типу Пятикнижия посвятил прот. Александр Горский, который доказал, «что наш древний перевод Пятюкнижия кем-то, не непрерывно, но по местам, был сличаем с еврейским текстом и немало был исправлен» [Горский 1860: 135] и что «[с]амые исправления свидетельствуют о знакомстве исправителя с раввинскими толкованиями еврейского текста» [ibid.: 141].² Кроме того, Горский обнаружил среди исправлений «влияние литовскорусского или малороссийского наречия» [ibid.: 166] (того, которое в современной литературе называется «простой мовой» или западнорусским литературным языком), при этом «в большей части исправлений язык оказывается чистым великороссийским» [ibid.] (в действительности никаких специфически великорусских черт в языке глосс и эмендаций не обнаруживается). В заключение Горский ставит вопрос о связи правки Пятикнижия с «ересью жидовствующих», появившейся как раз в то же время, к которому относятся старшие списки данной редакции, однако этот вопрос оказывается для патриарха российской палеославистики неразрешимым.

Списки правленного славяно-русского Пятикнижия были неизбежно привлечены в начале XX в. А. В. Михайловым при подготовке им критического издания славянского перевода книги Бытия [КБПМ 1900–

¹ Список сиглов всех использованных рукописей и печатных изданий библейских текстов см. в конце статьи.

² О знакомстве редактора славянского текста с раввинистической экзегезой – на примере глосс к Быт 49 – см. статью: (Грищенко 2016).

1908, I–IV]: он даёт краткие описания тринадцати известных ему списков [Михайлов 1912: xx–lxxxvi]. Исследование четьего текста славянского Восьмикнижия – именно в таком объёме была переведена с греческого языка начальная часть Ветхого Завета³ – прерывается до конца XX в.,⁴ когда А. А. Пичхадзе, опираясь на труды Михайлова и проведя собственное лингвотекстологическое исследование книги Исход, предлагает новую группировку редакций [Пичхадзе 1996]: I) южнославянская группа (четыре списка); II) промежуточная группа (между южнославянской и русской: три списка, в т. ч. *Тр.1*); III) русская группа, распадающаяся на две подгруппы: 1) без глосс и исправлений по еврейскому тексту, включает две редакции: (а) три списка, «в которых текст некоторых паримий не исправлен по Паримейнику Поздней редакции», и (б) шесть списков, «в которых текст паримий исправлен по Паримейнику Поздней редакции»; 2) шестнадцать списков «с глоссами и исправлениями по еврейскому тексту».⁵ Пичхадзе доказывает, что «исправления по еврейскому тексту вносились после того, как в четырёх списках были включены паримьи в Поздней редакции» [ibid.: 20], и, таким образом, «[и]справление первых пяти ветхозаветных книг по

³ Восьмикнижие было характерно для византийской традиции, Пятикнижие – только иудейской, повлиявшей на восточнославянскую. Перевод с греческого языка четьего Ветхого Завета, открывавшегося Восьмикнижием, был осуществлён по крайней мере дважды: сначала Мефодием (от него практически ничего не сохранилось), а затем, в Симеоновскую эпоху в Первом Болгарском царстве (кон. IX – нач. X в.), – предположительно Григорием Пресвитером [Алексеев 1999: 154–155, 163–169]. Самый ранний список – т. н. Лаврское Пятикнижие (*Тр.1*) – восточнославянского происхождения; немногочисленные южнославянские списки относятся к более поздней южнославянской редакции.

⁴ Если не считать кратких тезисов Н. В. Степанова [1962], который предпочёл вовсе не упоминать о правке славяно-русского Пятикнижия по МТ, ограничившись загадочной формулировкой: «Во многих русских списках имена собственные даны не в греческой огласовке [sic! – А. Г.], а в восточной – с шипящими».

⁵ Один из приведённых списков – РГБ Тих. 279 – содержит лишь отрывки по крайней мере книги Исход, интересовавшей Пичхадзе, поэтому в качестве полноценного текста Пятикнижия он использоваться не может. Таким образом, в её статье приведён перечень лишь пятнадцати рукописей интересующей нас редакции. Текстологическая схема Пичхадзе была недавно уточнена Т. Л. Вилкул [2015], которая в качестве наиболее близкой прототипу древнейшего славянского перевода Восьмикнижия выбрала т. н. хронографическую редакцию (включавшуюся Пичхадзе в состав «промежуточной» группы): она представлена т. н. Иудейским Хронографом, известным по четырём спискам – Архивскому, Варшавскому, Виленскому и Забелинскому (Москва, ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 436 (733)). Виленский список лёг в основу критического издания Вилкул книги Исход, при этом группа списков с глоссами и правкой по МТ к его подготовке не привлекалась – видимо, как самая поздняя, а потому малоинтересная для реконструкции прототипа. Сводную схему соотношения всех редакций четьего славянского Восьмикнижия на основе исследований Пичхадзе и Вилкул см. в [Grishchenko 2016: 254].

еврейскому тексту стало последним этапом истории четьего текста Восьмикнижия в допечатную эпоху» [ibid.: 21].

В обзорной главе «Жидовствующие и Пятикнижие» Фр. Томсон солидаризуется с мнением Горского о западнорусском («рутенском») происхождении правленного Пятикнижия, которое считает исключительно важным для истории славянского Ветхого Завета («extremely important for the history of the Slavonic Old Testament»), и связывает его с деятельностью жидовствующих, правда, без каких-либо доказательств [Thomson 1998: 651–654]. Кроме того, Томсон обращает внимание на наличие у правленного Пятикнижия особого оглавления, также разделённого на синагогальные недельные главы, что действительно является одним из определяющих признаков данной редакции текста, хотя оглавление, как и разделение на «парашийот», проникает и в некоторые списки предшествующей редакции (группа III.1.б, по Пичхадзе): они имеются в рукописи *Барс.2* и в Геннадиевской Библии (*Син.915*), в состав которой Восьмикнижие вошло в той же редакции; разделение на «парашийот» есть также в списках *НСПК F.15*, *МДА 12* и *БАН 45.13.4*. Тем же оглавлением сопровождается и печатная Московская Библия 1663 г. (*МБ 1663*), тогда как в Острожской Библии (*ОБ 1581*) оглавление отсутствует.

Отдельный параграф глоссам и правкам в рассматриваемой нами группе списков посвятил в своей фундаментальной монографии А. А. Алексеев [1999: 182–184], который не учёл соображений Пичхадзе о месте этой редакции в истории текста славянского четьего Восьмикнижия и полностью отказался от её датировки и локализации, хотя и допустил возможность разного времени появления глоссы и эмендаций:

До полного текстологического изучения всей рукописной традиции восточнославянского Пятикнижия и в особенности всех глосс на полях и в тексте, нельзя делать точных выводов о времени и условиях их возникновения. [...] Среди глосс нередки западнорусские формы [...], что указывает на эпоху XIV–XV вв., но складывается впечатление, что не все глоссы относятся к одной и той же эпохе. Ср. Лев. 9:3 старцемъ = τῆ γερουσία LXX, לְבָנֵי יִשְׂרָאֵל MT «сыны Израиля», и две глоссы дѣтемъ РНБ, F.I.I, сыномъ РНБ, Пог.1435. Таким образом, глоссирование осуществлялось по крайней мере дважды [ibid.: 183].

На основании разночтений только одной глоссы, причём лишь по двум спискам, – тогда как глосс в правленном Пятикнижии сотни, не говоря уже о массе разночтений, – делать выводы о неоднократности глоссирования было явно преждевременным. Наш опыт работы с глоссами показывает, что при копировании глосс из одной рукописи

в другую они могли не только попадать в основной текст (иногда меняясь местами с исходным чтением), но и сдвигаться относительно текста. Случай глоссирования Лев 9:3 требует отдельного изучения, и непременно с учётом всех известных списков правленого славяно-русского Пятикнижия.

Наиболее обстоятельными работами, посвящёнными глоссам и эмендациям правленого Пятикнижия (точнее – только тем, которые отражают древнееврейские имена Бога из МТ), стали статьи Б. А. Успенского последних лет [Успенский 2012; idem 2013; idem 2014]. В них также вводится в оборот ещё один список – ЦГАДА 790 (при том, что Пичхадзе в своём перечне не учла ещё три списка, известных Михайлову: *Арханг. Д. 17, КБ 3/8 и КБ 1/6*), так что общее количество рукописей славяно-русского Пятикнижия, содержащего глоссы и эмендации, достигает девятнадцати. Относительно времени появления глосс и эмендаций и их источников Успенский делает два основных вывода:

1) О ранней датировке процесса глоссирования:

Вне всякого сомнения, это случилось задолго до XV в. (времени, которым датируются самые ранние из известных нам рукописей такого рода правкой) и, следовательно, данное явление не имеет отношения к ереси жидовствующих, как это предполагалось до недавнего времени. Дошедшие до нас рукописи отражают многослойную правку, в процессе которой еврейские глоссы во многих случаях попадали в основной текст Библии (Пятикнижия) и даже могли вытеснять на поля исконные формы, так что еврейские и славянские слова могли меняться местами [...]. Очевидно, что этот процесс должен был занять значительный период времени [Успенский 2014: 27].

При этом единственным лингвистическим доказательством (кроме «текстологического» соображения о том, что «этот процесс должен был занять значительный период времени») оказывается ссылка на А. А. Алексеева, который полагал, что «[о]бозначение идола словом *блзванъ*, как это в наших глоссах, вероятно, указывает на время появления глосс не позже XIII в., когда старый термин был вытеснен заимствованием из греческого – *идоль*» [Алексеев 2014: 172].

2) О том, что глоссирование осуществлялось не только непосредственно по МТ, но и по арамейским таргумам Пятикнижия – разъяснительным переводам с древнееврейского первых веков нашей эры, использовавшимся в синагогальном чтении Торы в качестве

«подстрочника».⁶ Здесь Успенский опирается как на собственный анализ нескольких глосс, так и на примеры Алексеева, обнаружившего зависимость ряда глосс и эмендаций не от МТ, а от таргумов (тринадцать соответствий в Таргуме Неофити, он же Палестинский таргум – далее *Nf*; два соответствия Таргуму Онкелоса – далее *Onk*) [Алексеев 2014: 171–172]. Из факта использования при глоссировании арамейского таргума делается довольно смелое предположение: «Это означает, по-видимому, что славяноязычные евреи пользовались славянской Библией (Пятикнижием) в качестве таргума, т. е. подспорья, позволяющего понимать древнееврейский текст Торы» [Успенский 2014: 28].

Эти два вывода Б. А. Успенского нуждаются в некоторой корректировке. Во-первых, древность глосс не может быть подтверждена ссылкой на единственный пример (аргумент использования слова *блѣванѣ*), тем более что утверждение А. А. Алексеева о том, что позднее XIII в. это слово не использовалось, не соответствует действительности. Достаточно обратиться к словарным данным, чтобы убедиться в странности этого аргумента (возможно, неудачно сформулированного): слово *болванъ* в значениях ‘изваяние, статуя’ и ‘идол, кумир’ (а также его производные *болваница*, *болванный*, *болванопоклонникъ*, *болванский*, *болванецъ*, *болванство*, *болвохваляство*, а также аналогичные формы с корнем *балван-*) встречаются как в среднерусском языке XV–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 277–278] (в том числе в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, в котором содержится несколько тюркизмов, встретившихся среди глосс и эмендаций правленого Пятикнижия [Grishchenko 2016: 268]), так и в «простой мове» того же периода [ГСБМ, 1: 182–184; 2: 125; СУМ XVI–XVII ст., 2: 13–15]. Более того, судя по лексикографическим материалам, именно в «простой мове» эти формы встречались чаще (впрочем, точные количественные выводы без соответствующего корпусного исследования делать преждевременно) – и этот факт может стать дополнительным аргументом в пользу западнорусской локализации

⁶ «В качестве интерпретации библейского текста т<аргум> занимает вполне определенное положение при изучении Библии, а в литургии публичное чтение текста вместе с т<аргумом> во время богослужения составляет древний институт, возникновение которого относится еще ко второму храму [...]. В галахе формулированы все требования по отношению к чтению т<аргума> [...]: за каждым стихом библейского оригинала [Торы, т. е. Пятикнижия – А. Г.] следовало читать соответствующий стих перевода, а в отрывках из пророков – за каждым третьим стихом оригинала. [...] Чтение перевода в синагоге лежало на обязанности профессионального чтеца “таргемана” (он же “торгеман” и “метургеман”), обыкновенно же его называли “метургеман”» [Bacher 1913: 748–749].

правленого Пятикнижия, постулированной Горским и поддержанной впоследствии Томсоном.

Во-вторых, существование славянского (и тем более славяно-русского) таргума достоверно не известно. Дело в том, что, кроме деления на «парашийот» и наличия экзегетических вставок, все средневековые таргумы на различных диаспоральных языках⁷ существовали только в еврейской графике (за некоторым исключением для еврейско-арабских переводов), и каждый стих в них – для удобства синагогального перевода – обозначался первым словом соответствующего стиха МТ. Однако ничего подобного в правленом Пятикнижии мы не видим, и ни одного славянского перевода в еврейской графике какой бы то ни было библейской книги до сих пор не обнаружено: наоборот, нам известна транскрипция целых пассажей МТ в кириллической графике – в т. н. «Учебнике древнееврейского языка», недавно обнаруженном и изданном С. Ю. Темчиным [2012; Temchin 2014], который демонстрирует использование этого текста в православной конфессиональной среде – отнюдь не иудейской. Графический аспект текста для средневекового книжника был маркирован прежде всего конфессионально: кириллицей писали преимущественно православные, латиницей – католики, тогда как иудеи писали только в еврейской графике независимо от языка.⁸

При всём при этом переводческие и экзегетические решения, характерные для арамейских таргумов и обнаруженные А. А. Алексеевым и Б. А. Успенским в глоссах и эмендациях правленого славяно-русского Пятикнижия, действительно принципиально важны для исследования этого загадочного памятника, но не в качестве доказательства того, что в его появлении был задействован какой-либо из арамейских таргумов, – а для демонстрации участия последних в генезисе этих глосс и эмендаций. Сейчас уже можно считать твёрдо установленным, что решающую роль в глоссировании славяно-русского Пятикнижия в XV в. действительно играл таргум, но не арамейский, а тюркский, точнее старозападнокипчакский – близкий языку «Кодекса куманикуса» по

⁷ Термин «таргум» можно употреблять также в широком смысле – как библейский перевод на любой из языков, использовавшийся аналогично арамейским таргумам в синагогальном богослужении в самых различных диаспорах. Кроме того, для арабских переводов используются термины «тафсир», «тадж» и «шарх» (последний термин – также и для еврейско-персидских переводов).

⁸ Известны лишь немногочисленные славянские глоссы в еврейской графике в еврейских же средневековых рукописных и старопечатных книгах, созданные на чешских землях, см. их издание: [Bláha et al. 2015]. Однако даже здесь нет следов существования целого старочешского таргума.

рукописи 1330-х гг. (далее СС), а также мамлюкско-кипчакскому XIII–XV вв., армянокипчакскому по рукописям XVI–XVII вв. и, наконец, караимскому языку библейских переводов – тех самых памятников, которые обнаружили поразительную текстуальную связь с рассматриваемыми нами глоссами и эмендациями.

Толчком к открытию этой текстуальной связи послужила статья [Grishchenko 2016], в которой были введены в научный оборот и описаны восемнадцать тюркизмов (а также арабизмов и персидских слов, прошедших через тюркское посредничество) среди глосс и эмендаций правленного славяно-русского Пятикнижия. Самым удивительным оказался путь слова *стурлабъ* (или, в более корректной славянской форме, *стурлабь*) – им в караимской традиции перевода книги Бытия передавали древнееврейский термин עִדֹּוֹלִים *tarāpīm* ‘домашние боги, небольшие идолы’ (Быт 31:19, 34 и 35), которому в тексте греческого Восьмикнижия (в составе Септуагинты – далее LXX) соответствовало $\epsilon\acute{\iota}\delta\omega\lambda\omicron\nu$, закономерно переданное в древнейшем славянском переводе словом *коумиръ*. В восьми списках правленного Пятикнижия из девятнадцати (*КБ* 2/7 46; *Волок.* 8 53об., 54об.; *Тух.* 453 78об., 79об.; *Q.I.* 1407 75об., 76об., 80; *КБ* 1/6 65об., 66об.; *КБ* 3/8 76; *БАН* 17.16.33 41об.; *Егор.* 648 59) форма *стурлабь* выступает то как глосса, то как эмендация в указанных местах библейского текста. В тех же самых стихах во всех известных версиях караимского (старозападно-кипчакского) таргума Пятикнижия выступают формы *'istōrlab*, *'istōrlap*, *'ušturlap/'ušturlap*, *'ošturlap/'ošturlap*, *'istōrlap*, *'isturlap/'istorlap*, *'ēstōrlap*, *stūrlap* и, наконец, *stūrlab* (см. также статьи *усторлан*, *стурлаб*, *стурлан* и *ысторлан* в «Караимско-русско-польском словаре» [КРПС 1974: 208, 481, 652]). В конечном итоге все эти формы восходят к арабскому названию астролябии – أَصْطُرْلَاب *ašturlāb*, поскольку средневековая иудейская экзегеза (причём как раввинистическая, так и караимская) трактовала «терафимов» МТ в качестве неких астрономических приборов, в частности как астролябии.⁹

К сожалению, история тюркских таргумов различных библейских книг (среди них известно не только Пятикнижие, а также Свитки и Пророки) до сих пор окончательно не прояснена, нет и определённости относительно времени их появления. К настоящему моменту самыми ранними из известных списков считались два: созданный между 1648 и 1687 гг. в Крыму (содержит только Писание и Пророки, хранится в частной коллекции Анны Сулимович в Варшаве; по нему издана

⁹ Подробнее об этом см. в [Грищенко 2018а].

книга Руфь: [Németh 2016]) и переписанный в общине галицких караимов местечка Кукизов – однако на тракайском диалекте – в 1720 г. III-73 (полное издание готовится М. Неметом, который посвятил ему несколько статей [Németh 2014; 2015a; 2015b] и любезно консультировал нас относительно ещё не изданных фрагментов Пятикнижия). По косвенным данным была известна утраченная рукопись 1672 г., написанная в караимской общине Мангупа (Крым) [Shapira 2013]. Все прочие рукописи относятся ко втор. пол. XVIII в. и более позднему времени, первые печатные издания (см. о них ниже) появляются только в XIX в. О более ранних списках не было известно и автору последнего обзора по этой проблематике, собравшего почти все упоминания предшественников и перечислившего большинство известных к тому времени рукописей библейских переводов на караимский язык [Jankowski 2009: 506–508]. В таком случае возникает вопрос, существовал ли уже к концу XV в. – времени появления первых списков правленого славяно-русского Пятикнижия – перевод Торы на старозападнокипчакский язык (или просто кипчакский, в XIV–XV вв. – основной литературный язык Золотой Орды и возникших на её территории ханств [Нуриева 2016]). И сейчас на этот вопрос можно ответить со всей определённою: существовал.

В апреле 2017 г. нами с помощью А. Е. Соболевой по водяным знакам бумаги был датирован список фрагмента Пятикнижия (*Исх 21:11 – Числ 28:15*) *Фирк.143* в «tatarische Uebersetzung», согласно первому описанию А. Гаркави и Г. Штрака, которые, однако, никак не датировали эту рукопись [Harkavy, Strack 1875: 167–168]; не была она датирована и в машинописном описании 1-го Собрания А. С. Фирковича, хранящемся в Отделе рукописей РНБ. Рукопись содержит четыре филигранны: 1) Ножницы портновские, малые, ручки одноконтурные – подоб. Briquet № 3746, 1463–1473 гг.; подоб. Piccard-Online № 122352, 1466 г.; 2) Ножницы портновские, средние, ручки двухконтурные, с перевязью – тип. Briquet № 3689, 1463–1467; 3) Литера L, двухконтурная, курсивная – близк. Briquet № 8282, 1472–1485 гг.; подоб. Piccard-Online № 28603, 1473 г., № 28604, 1471 г.; 4) Рука под пятилистным цветком, с манжетой без украшений, с кружком по центру нижнего края, предварительно без дополнительных обозначений – знак пока не найден в альбомах. Таким образом, *Фирк.143* можно датировать 70–80-ми гг. XV в., и эта рукопись оказывается современной начальному этапу развития «ереси жидовствующих» и несколько предшествует первым спискам правленого славяно-русского Пятикнижия. О месте её написания судить довольно сложно, но сам факт использования

для неё не восточной, а западноевропейской бумаги может говорить о её происхождении из Восточной Европы, причём вряд ли из Крыма, где должна была быть в ходу генуэзская бумага, тогда как бумага этой рукописи похожа скорее на равеннскую (во втор. пол. XV в. Равенна входила в состав Венецианской республики – главного конкурента Генуи). Почерк рукописи (восточный полукурсив), согласно наблюдениям А. Гордина, также относится к XV в. (устное сообщение).

В настоящее время *Фирк.143* готовится к изданию Д. Шапирой, и, по его наблюдениям, высказанным нам в переписке, язык этой рукописи – довольно грамотный старокипчакский, изобилующий персидскими и арабскими заимствованиями и отражающий хорошее знакомство его носителей с исламской культурой, причём, возможно, враждебной иудейской. Так, Д. Шапира обнаружил, что для обозначения языческого святилища в Числ 21:28 (др.-евр. *ba'älê bāmôṭ* – букв. ‘хозяева высот’, но именем *Ba'al* называли и языческого бога) здесь использовано слово *mēšîṭ* ‘мечеть’ (*Фирк.143* 97). Неясным пока остаётся вопрос, из какой именно иудейской общины – раввинистической или караимской – происходит этот перевод: поскольку и раббаниты, и караимы пользовались одним и тем же МТ и следовали весьма близкой его экзегезе, то исключительно по тексту таргума, без данных о точном его происхождении из той или иной общины, судить о принадлежности его той или иной иудейской традиции в принципе невозможно. Проблема ещё состоит в том, что до сих пор неизвестны достоверно крымчакские¹⁰ таргумы Пятикнижия, а все более поздние, начиная с упомянутого выше списка 1720 г., по умолчанию признаются караимскими.

Впрочем, для целей нашего исследования это не принципиально, поскольку сосуществование на русских землях Великого княжества Литовского во втор. пол. XV в., в том числе в Киеве, раввинистических и караимских общин – общеизвестный факт. До 1482 г., когда Киев был захвачен крымским ханом Менгли Гиреем и все киевские иудеи были угнаны в плен, а затем распроданы на невольничьих рынках Крыма,

¹⁰Крымчаки – тюркоязычные иудеи Крыма, исповедующие раввинистический иудаизм. В нынешнем виде их язык практически неотличим от крымскотатарского (а значит, и крымского варианта караимского языка), хотя для текстов старых крымчакских таргумов, как и для караимских, ожидался бы более архаичный язык, гораздо более далёкий от крымскотатарского (согласно традиции XIX в., он назывался «чагатайским» [Тенишев 1995: 47; Реби et al. 1997: 309], но вряд ли имел что-то общее, кроме статуса литературного языка, с настоящим чагатайским). К сожалению, такие таргумы до сих пор не найдены или не идентифицированы как специфически крымчакские, а не караимские. Впрочем, есть довольно высокая вероятность того, что и восточноевропейские караимы, и крымчаки изначально пользовались одним и тем же таргумом Пятикнижия.

город прославился активной деятельностью раввина Моше бен-Я‘акова, впоследствии прозванного Изгнанником (ѓа-Голе) (1449, Шадов – ок. 1520, Каффа) [Маркон 1911; Ахиезер 2010: 290–292]. Моше Киевский, кроме всего прочего, известен своей полемикой с караимами Киева, Луцка и Трок, при этом, однако, между караимской и раввинистической общинами в тот период не существовало непроходимых барьеров, в том числе в толковании Священного Писания, которое важнейшую роль играло, конечно, прежде всего для караимов. Кроме того, общим местом является тот факт, что «караимы были хорошо начитаны в раввинистической литературе и часто включали раввинистический материал в свои сочинения» [Tirosch-Becker 2003: 319].

К кругу Моше Киевского относят профессионального переписчика книг (раббанита или караима – достоверно не известно) Захарию Аѓарона ѓа-Коѓена, который был идентифицирован Ю. Бруцкусом с киевским учёным иудеем Схарией – предполагаемым вдохновителем «ереси жидовствующих», которого в 1470–71 гг. брал с собой в Новгород слущкий князь Михаил Олелькович, приглашённый на новгородское княжение. Того же самого Захарию-Схарию предлагает в качестве наиболее вероятного переводчика нескольких библейских книг – известных в составе т. н. Виленского библейского свода (в составе сборника *Вил.262*) – с МТ на «просту мову» С. Ю. Темчин [2006]. Цитаты из этого перевода были обнаружены в «Учебнике древнееврейского языка», и это позволило Темчину предположить, что «Учебник» был связан с тем же переводческим проектом, а значит, возможно, с деятельностью того же книжного кружка Захарии в Киеве [Темчин 2011; idem 2012: 173].

В связи с этим первостепенной важностью обладает свидетельство этого самого «Учебника» о двух иудейских общинах, современных его составителю, и о двух системах произношения иврита. Речь идёт о передаче на разных языках имени Иисуса Христа: по ѓврейскій; йгошóу | мешиѧ. по йныѧ же ѓвреѧ понѧ закѧ | йѧсоу месиѧ, по грѧкѧ же йсóу хѧ, | по роѧкѧй, спѧйтѧ помазанникѧ [Темчин 2012: 150/151]. Сам Темчин интерпретирует эту фразу как «осознание наличия *полного* и *неполного* (караимского или связанного с частичным прозелитизмом?) иудейского Закона» [ibid.: 170]. Ни о каком «частичном прозелитизме» в Киеве во втор. пол. XV в. неизвестно, так что речь тут идёт, конечно, о хорошо документированных караимах, причём здесь отражено противопоставление караимского и ашкеназского – характерного для раббанитов Восточной и Центральной Европы – произношения. По крайней мере в одном из списков правленого Пятикнижия есть глосса,

передающая то же личное имя – применительно к Иисусу Навину (к стиху Числ 14:30): $\text{הַשֵּׁשֶׁת הַיְּמִינִים}$ (Сол.74/74 165), и это написание с ещё большей точностью отражает специфическое караимское произношение «вкравшегося патаха» с вставным аппроксимантом *w* после лабиализованного гласного, по крайней мере в том виде, в каком оно сохранялось в тракайской общине до конца 1980-х гг., когда было описано Т. Харвиайненом: *Yehošuwā* для יְהוֹשֻׁעַ .¹¹ Реализация «подвижного шва» в виде гласного *e* – также черта караимского (равно как и сефардского) произношения, которое в качестве основы для передачи кириллицей еврейских имён собственных в Виленском библейском своде предполагал М. Альтбауэр [Altbauer, Taube 1992: 22–23, 78]. Та же система произношения иврита отражена в глоссах правленого славяно-русского Пятикнижия в целом, а также в «Учебнике», хотя Темчин склоняется к тому, что оно провансальского или итальянского происхождения (т. е. в основе всё-таки не ашкеназское, а близкое сефардскому), опираясь прежде всего на реализации др.-евр. *-yu-* в качестве ז [Temchin 2014: 276–277]. Однако переход йота в звонкий шипящий (щелевой или аффрикату) – черта не только романских языков, но и ряда тюркских, прежде всего кипчакских (правда, как раз караимский в том виде, в каком он сейчас известен, такой чертой не обладает вовсе) [Тенишев 1984], и аналогичное явление, причём также не для йота вообще, а именно для удвоенного йота, обнаружено нами в нескольких вариантах славяно-русской передачи (по рукописям кон. XV – нач. XVI в.) названия еврейского месяца *ʾiyuār*: *ичжарь* (вероятно, наиболее близкая к прототипу форма), а также *ичгарь* и *жайгарь* (*рьси*) (испорченные формы).¹²

Таким образом, наличие тюркоязычного компонента в качестве посредника в литературных контактах между православными восточными славянами и иудеями Великого княжества Литовского во втор. пол. XV в. поддерживается несколькими группами источников. Вернёмся теперь к правленому Пятикнижию, для которого зависимость от старокипчакского таргума становится очевидна, если учесть, что последний стал наследником всей предшествующей иудейской традиции перевода и толкования Священного Писания, начиная

¹¹ Ср.: «Between a labial vowel and *pataḥ furvitum* a glide of the type of *v* may occur, e.g. **rūvaḥ** and **li-šmōva**» [Harviainen 1992: 60]. Эта особенность была характерна для произношения не только литовских караимов, но также и крымских: «Правило чтения “вкравшегося” патаха, по нашим источникам [транслитерация русскими буквами ивритских слов в караимских изданиях XIX – нач. XX в. – А. Г.], полностью совпадает с приведенным в статьях Харвиайнена правилом» [Гаммал, Капланов 2010: 164].

¹² Подробнее о них см. в статье [Грищенко 2018b].

с арамейских таргумов и оканчивая комментариями средневековых раввинов и караимских книжников. Весь материал, свидетельствующий об этом, собран в *Таблице 1*: здесь приведены те чтения книги Бытия,¹³ которые демонстрируют, во-первых, несовпадение глосс и эмендаций правленого славяно-русского Пятикнижия с МТ, во-вторых, совпадение последнего или с арамейскими таргумами и комментариями раввинов, или с тюркским таргумом. Здесь возможны следующие комбинации:

1) глоссы и эмендации совпадают как с тюркским таргумом, так и с предшествующей иудейской традицией (такое совпадение можно объяснить и так, что правленое славяно-русское Пятикнижие и тюркский таргум независимо друг от друга восходят к таргумам и последующей экзегезе: существенной доказательной силой эта группа глосс и эмендаций не обладает), – в первой части *Таблицы 1*;

2) глоссы и эмендации не совпадают с тюркским таргумом, совпадая только с предшествующей иудейской традицией (это может свидетельствовать либо о том, что известные нам версии тюркского таргума не сохранили старых чтений, либо о том, что правленое славяно-русское Пятикнижие заимствовало в данном случае не из тюркского таргума), – такое место в Бытии нам известно лишь одно, и оно приведено во второй части *Таблицы 1*;

3) глоссы и эмендации не совпадают с чтениями предшествующей иудейской традиции, совпадая только с тюркским таргумом (такого рода совпадения обладают наибольшей доказательной силой), – в Бытии нам удалось обнаружить также одно место, в котором можно предположить бóльшую близость между глоссой правленого славяно-русского Пятикнижия и тюркским таргумом, нежели между ними обоими и предшествующей иудейской традицией.

Последнего рода совпадение – и более надёжное – было обнаружено нами в другой книге Пятикнижия благодаря счастливой подсказке А. А. Алексеева, высказанной в частной переписке. Коллега выразил сомнения в том, что глосса/эмендация *слоудныа* к фразе *Възыди на верхъ горы стъчныа* (Втор 3:27 – LXX ἀνάβηθι ἐπὶ κορυφὴν Λελαξευμένου, МТ ‘āle^h gō’š happisgā^h)¹⁴ может восходить к тюркскому таргуму, и оказалось,

¹³Материал взят только из книги Бытия, поскольку в настоящее время мы готовим критическое издание маргинальных глосс в этой книге по всем девятнадцати известным спискам правленого Пятикнижия, так что лишь в объёме одной этой книги можем судить о всём разнообразии вариантов и разночтений.

¹⁴Это слово в форме *слѣдныа* присутствует и в отдельном нумерованном перечне глосс под номером 4 в конце рукописи *Q.I.1407* 478об.

что на самом деле она к нему и восходит. Малопонятный библейский топоним *Pisgā^h*, переведённый в LXX как ‘высеченный из камня’, в арамейских таргумах был заменён на нарицательное *rāmā* ‘холм’, но в *Тыр.1841* находим здесь другую интерпретацию: *šiqqîn bašîna^h ’ôl qauanîg* ‘взойди на вершину скалы’ (тот же текст, с незначительными грамматическими отличиями, находим в *Конст.1832* 602: *šiq bašîna ’ô qaуау’nîn*), – и прилагательное *слоудныи* следует возводить к слову *слоуда* ‘утёс, скала’ [СлРЯ XI–XVII вв., 25: 119]. В этом конкретном случае тюркский таргум оказывается единственным надёжным источником правки/гlossирования славяно-русского Пятикнижия, если только, конечно, не предположить некий текст-посредник на каком-либо другом языке, что, ввиду наличия в правленном славяно-русском Пятикнижии большого количество собственно тюркизмов, делать уже излишне.

Здесь необходимо кратко остановиться на том, в каких версиях – рукописных и печатных – известен тюркский таргум Пятикнижия (в *Таблице 1* приведены данные в основном лишь трёх из них), поскольку для него до сих пор не подготовлено ни одного критического издания:

1. Старокипчакский (или золотоордынский) – в уже описанной выше рукописи *Фирк.143*. Все остальные списки и печатные издания относятся к караимской традиции и зафиксированы в следующих вариантах, которые сгруппированы в основном по территориальному признаку, а не по диалектам (этот вопрос весьма запутан).

2. Крымский, представленный фактически не изученными рукописями, датируемыми начиная с 1770–80-х гг. (*Фирк.144*, *B 476*, *B 323*, *B 235*, *B 225*, *B 324*, *C 137*, *H 170*, *BSMS 288*), и печатным изданием практически полной – без книги Хроник – еврейской Библии (Танаха), выпущенным в 1841 г. в г. Гёзлеве (Евпатория) на средства мецената Мордехая Тырышкана по случаю бракосочетания цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и великой княжны Марии Александровны (*Тыр.1841*). По мнению Д. Шапиры, крымские таргумы принадлежат к луцкой традиции, поскольку именно из Луцка шло основное интеллектуальное влияние на крымские караимские общины, при этом язык издания *Тыр.1841* подвергся заметной «татаризации», будучи несколько приближен к разговорному языку крымских караимов XIX в. – крымскотатарскому,

Таблица 1. Глоссы и эмендации в книге Брития, восходящие к гаргумам, мидрашам и средневековым библейским комментариям

1. (LXX=Ст.-слав.=МТ или ≠МТ) ≠ (Иудейская традиция = Тюркский таргум = Глоссы и эмендации правленого Питкиникки)

Глосс	ЛХХ	Ст.-слав. перевод	МТ	Арамейские таргумы и средневековая лезгеза	Тюркский таргум	Глоссы и эмендации
6:2	וַיִּבֶן בְּיָמָיו	свие бжѣи	bəne ha'etohim 'сыны Бота'	<i>Олк</i> bəne gab gəbaya' 'сыны великих правителей', <i>N/V</i> bəne dədu'ana' 'сыны судей', Ион Эзра 'сыновья судей, которые творили на земле Божий суд', Раши, Рамбан 'сыновья правителей и судей'	<i>Твр. 1841</i> 'öglənlər'i 'öl sərə'əşlärin 'сыны судей', ср.: <i>Мук.</i> 1889 'önlər'i 'öl 'əhəl'əhlərini 'сыны правителей' (в <i>III-73</i> левнува)	г. соуднии
21:15	וַיִּבְנוּ אֶת-הַמִּזְבֵּחַ	подъ едно одиною	‘āhət ‘āhəd həššiyim 'под одним кустом'	<i>Олк.</i> <i>N/V</i> ‘āhəd haq min ‘ālanaya' 'под одним из деревьев', Ион Эзра, Рамбан 'под деревом'	<i>Твр. 1841</i> fihna' bəšniq 'öl dəreklərinq; <i>Мук.</i> 1889 birisi gübrünlüyä 'öl fəyək'əyərini, <i>III-73</i> birisi gübrünlüyä' 'öl fəreklərlərin 'под одним из деревьев'	э. подъ древомъ
32:30(31)	וַיִּבְנוּ	видяхъ бо бѣа	ki-tā'it 'etohim 'ибо я видел Бота'	<i>Олк.</i> 'əre hazet mal'əkāt da u'wū 'ибо я видел ангела Господа', <i>N/V</i> 'ərim hāmil mal'əkim min-qədim u'wū 'ибо я видел ангелов перед Господом'	<i>Твр. 1841</i> ki kədim mal'əkim (арам. мн.ч.) Tagrinig 'ибо я видел ангелов Господа', <i>Мук.</i> 1889, <i>III-73</i> ki kəndūm mal'ək-ni 'ибо я видел ангела'	г./э. атгга
41:45/50/ 46:20	וַיִּבְנוּ אֶת-הַמִּזְבֵּחַ	дщери/дщи Потиферову/а, жерца Рада Слнъйна	bat-ro'i rə'a- kohen 'он дочь Потифера, жерца [города] Он'	<i>Олк</i> bat ro'i-rə'a- 'ra'a da 'on, <i>N/V</i> batə ro'ifəra'ra'a 'ames 'ючь. Потифера, правителя [города] Он'/Танис', Ион Эзра 'идолопоклонник', Рамбан 'сановник фараона'	<i>Твр. 1841</i> wezdē- 'i 'on, <i>Мук.</i> 1889 mwēzdē- 'i 'on, <i>Фир.</i> 144 wəzdē- 'i 'on 'vəniyr [города] Он' (слово <i>wəzdē- 'i 'on</i> сопряжено с последующим топонимом при помощи перелазского, а не тюркского изафета), ср.: <i>III-73</i> qatā' fəhšiyim 'on 'чёрнорица [города] Он'	э. влѣы
37:25/ 43:11	וַיִּבְנוּ	смола	šərit 'Балъам (смола ма стипового дерева?)'	Ион Эзра: «Садая Гюн считал, что это то самое сыдобье, которое изготавливается из семидесяти пяти составляющих» (т. е. терпан)	<i>Твр. 1841</i> fūyāk, <i>Мук.</i> 1889 dīyūyāq, <i>III-73</i> fūyūyāq, fūyūyāk	г./э. фирьакъ, фирьдтвкъ

2. (LXX=Ст.-слав.=МТ или ≠МТ) ≠ (Иудейская традиция = Глоссы и эмендации правленого Пятикнижия) ≠ Тюркский таргум

Стих 43:11	LXX	Ст.-слав. перевод	МТ	Арамейские таргумы и средневековая экзегеза	Тюркский таргум	Глоссы и эмендации
	דורצאצא	темианъ				

3. (LXX=Ст.-слав.=МТ или ≠МТ) ≠ (Иудейская традиция ≠ Тюркский таргум = Глоссы и эмендации правленого Пятикнижия)

Стих 26:35	LXX	Ст.-слав. перевод	МТ	Арамейские таргумы и средневековая экзегеза	Тюркский таргум	Глоссы и эмендации
	καὶ ἤσθη ἐρῖςουσι	и бысть ревнующи				

отличающемся от архаичного караимского языка библейских переводов [Shapira 2003b: 696–697].¹⁵

3. Турецкий – в экспериментальном издании 1832–1835 г. (*Конст.1832*), которое подготовили в Константинополе Авраам Фиркович (выходец из Луцка, тесно связанный с Крымом), Ицхак Коген и Симха Эгиз Йозефович. Хотя в основе текста лежал, по-видимому, всё тот же крымско-луцкий вариант таргума, язык его был сознательно подвержен османизации, чтобы, по замыслу редакторов, приблизить его к караимам Турции, для которых, однако, основным разговорным языком всё ещё оставался греческий [Shapira 2003a: 29–41; Janowski 2009: 516]. Близкий этому изданию текст содержится в недавно обнаруженной в частной коллекции в Германии рукописи втор. пол. XIX в. [Shapira 2014].

4. Тракайский – в рукописи *B 492* (а также в рукописи, принадлежавшей, по-видимому, Симхе Бабовичу и сейчас находящейся, вероятно, в Литве [Shapira 2003b: 697, footnote 119]) и в печатном издании Бытия в переводе Захарии Мицкевича (*Мицк.1889*). Указанные в качестве «переводчиков» в некоторых рукописях и изданиях лица не были переводчиками в современном понимании: это были те самые «метургеманы» – носители многовековой традиции устного перевода Торы на местные языки, они знали свои таргумы наизусть и лишь фиксировали их в письменном виде.

5. Галицкий – в уже упоминавшейся рукописи *III-73* 1720 г., а также довольно близкий ей список *B 556* XVIII в. (Пятикнижие представлено фрагментом Быт 2:9 – Исх 34:10), хотя обе написаны на тракайском диалекте, и рукописное Пятикнижие с Гафтарот (чтения из Пророков, сопровождающие чтения Торы) – уже на собственно галицком диалекте – из частного собрания Амелии Абрамович, рукопись XIX в. [Olach 2013: 11]; фрагменты Пятикнижия (Быт 1:1–5:27, Исх 1:1–2:25, 16:1–17:16, Лев 5:1–7:26, 17:1–18:30, Числ 11:1–14:29, Втор 1:1–3:22) изданы в виде транслитерации, сопровождаемой транскрипцией и английским переводом [ibid.: 237–401].

Параллельные чтения в *Таблице 1* и далее, представляющие предшествующую иудейскую традицию, взяты из научных изданий Таргума Онкелоса (кон. I в., *Onk*), Таргума Неофити (I или IV в., *Nf*), а также из следующих русских переводов: классический мидраш «Берешит Раба» (V в.) в переводе Я. Синичкина и А. Членовой [MP 2012–

¹⁵ «Татаризация» могла иметь место существенно раньше – ещё в XVII в., о чём свидетельствует исследованная М. Неметом книга Руфь по соответствующей рукописи [Németh 2016: 202–206].

2014]; Таргум Онкелоса в переводе А. К. Лявданского, комментарии на Бытие Раши (1040–1105) в переводе Н. В. Корякиной, М. В. Вогмана и Е. В. Малаховой, Авраама Ибн Эзры (1089–ок. 1167) в переводе С. Г. Парижского, Рамбана (Нахманида, 1194–ок. 1270) в переводе О. И. Лемперт и А. В. Пшеницкого и – далее в статье – Овадии Сфорно (ок. 1475–1550) в переводе Л. М. Дрейера, М. А. Митлиной и А. А. Крупновой – в книге [КБК 2010]. Примеры на оригинальных еврейских языках приведены в стандартной транслитерации, которую используют при передаче Масоретского текста. Союзы, написанные в оригинале слитно, даны в транслитерации через дефис, равно как и тюркские аффиксы, написанные в оригинале отдельно.

При очевидности влияния тюркского таргума на славяно-русское Пятикнижие, которое мы предположительно относим к периоду русско-еврейских контактов во втор. пол. XV в. в Киеве, приведших также к появлению переводов нескольких библейских книг с МТ на «простую» и философских, календарно-астрономических трактатов – всего того корпуса текстов, который атрибутируется Захарии и связывается с дальнейшим появлением «ереси жидовствующих», – при явном направлении заимствований из иудейской традиции в православную возникает закономерный вопрос, не могло ли в этом процессе иметь место и обратное влияние. Если в более поздних караимских рукописях, особенно галицких, обнаруживается некоторое количество восточнославянских лексических заимствований [Jankowski 1997: 24, 69, 72; Németh 2014: 137; idem 2015a: 88, 90; idem 2015b: 114], не говоря уже о караимском языке в целом [Мусаев 1964: 16–17], – то это, конечно, влияние языковое, а не текстуальное, тогда как влияние тюркского таргума на славяно-русское Пятикнижие было именно текстуальным.

В старшем списке тюркского таргума *Фирк.143* пока никакого славянского влияния не обнаружено – ни языкового, ни текстуального, если не считать за последнее обозначение ладана (Лев 5:11, в МТ *ləḇōnā^h*) словосочетанием *לָבָן וְזָרְעוֹ* (Л. 35₁₂): в этом месте текст не огласован, однако он здесь легко восстанавливается как *ak (ax?) timyan* и переводится как ‘белый тимьян/фимиам’. Атрибутивный компонент со значением ‘белый’ отсутствует во всех доступных нам версиях тюркского таргума, где представлено лишь слово *timyan* (с некоторыми отличиями в орфографии, с огласовкой и без: см. его лексикографическую фиксацию со значениями ‘ладан’ и ‘фимиам, ладан’ в крымском «диалекте» караимского языка [КРПС 1974: 529, 556]): и в издании *Тыр.1841*, и в рукописях (*В 476 110, С 137 78, В 323 128об., В 235 109об., В 324 112об.*; в *Фирк.144 119* в этом месте лакуна; в *III-73 63об.* здесь стоит др.-евр. форма *ləḇōnā^h*;

в *Конст.1832* 340 – турецкая форма *gūnlūk*, ср. *gūnlük* ‘ладан, фимиам, мирра, курение’ [ТРС 1977: 368]). Караимское слово *tīmyan* (*тимѣан* или *тымѣан* в кириллической записи) восходит в конечном счёте к греческому *θυμίαμα*, которое используется в LXX в качестве основного соответствия др.-ев. *qəṭōreṭ* ‘курение’ (дважды в Бытии для *nəḳō’it* ‘пряность’), но никогда не соответствует др.-евр. *ləḅōnā^h*, которое всегда переводится семитским заимствованием *λίβανος*, представленным также и в указанном библейском стихе, причём без какого бы то ни было определения. Хотя этимологически *ləḅōnā^h* и связано с корнем *l-b-n* со значением белизны (глагол. *lāḅan* ‘быть белым’, прил. *lāḅān* ‘белый’), это значение не было никак эксплицировано ни в LXX, ни в арамейских таргумах, однако это случилось в ст.-слав. переводе Восьмикнижия. Во всех редакциях, включая южнославянскую (судя по списку *Григ.1*), Лев 5:11 содержит соответствующее чтение, ср.: в старшем списке, Лаврском Пятикнижии, *тъмѣана бѣлаго* (*Тр.1* 94а), *бѣлѣ ѳимѣанъ* в *Григ.1* 78, из правленных по Паримейнику Поздней редакции – *темѣана бѣлаго* в *МДА 12* 103об., но из списков без исправлений по Паримейнику Поздней редакции – просто *тимѣанъ* в *Тр.44* 90. Это место обратило на себя наше внимание только благодаря тому, что к нему в ряде списков правленого славяно-русского Пятикнижия имеется на полях глосса *ладана* (*КБ 2/7* 139, *БАН 17.16.33* 182), а это значит, что сюда – на название благовония – было обращено особое внимание глоссатора. Если в *Фирк.143* ровно в этом самом месте стоит *ak tīmyan*, то откуда – и не из тюркского ли источника – берётся глосса *ладана*? И нельзя ли усматривать в появлении формы *ak tīmyan* в тюркском источнике обратное влияние славяно-русского Пятикнижия? На эти вопросы пока нет ответов, но примечателен сам факт повышенного внимания к этому месту славянского книжника XV в., а также два сопутствующие обстоятельства:

- Аналогичному глоссированию подверглось ещё несколько мест:

Лев 2:16 – *темѣанъ бѣлѣи* в тексте и глосса на полях *ладѣ* (*КБ 2/7* 135об.), *темѣанъ* в тексте и глосса *ладанъ* (*БАН 17.16.33* 176об.), ср.: МТ *ləḅōnā^h*, LXX *λίβανος* – и снова форма *tīmyanī* (впрочем, уже без определения ‘белый’) в *Тыр.1841* и в рукописных версиях тюркского таргума (*Фирк.144* 116об., *В 235* 107, *В 476* 108, *С 137* 76, *В 323* 125об., *В 324* 110; в *Фирк.143* здесь лакуна; в *Конст.1832* 331 – ожидаемая турецкая форма *gūnlūgū*);

Лев 4:7 – *темѣана сложенаго* в тексте и глосса *каденѣа* (*КБ 2/7* 136об.), *темѣана* в тексте и глосса *каденѣа* (*БАН 17.16.33* 178), ср.: МТ *qəṭōreṭ hassammīm* ‘курение благовоний’, LXX *θυμίαμα τῆς συνθέσεως* ‘фими-

ам составления’, *Фирк.143 33 twtmikynyg smklrnyg* ‘курение (?) <чего?>’, *Тыр.1841 ’ōtyamlar tūtsūsī* ‘курение благовоний’;

Числ 7:14 – *каденіа* в тексте и глосса *теміанъ* (КБ 2/7 186об.), ср.: МТ *qāḏōret*, LXX *θουλάρα*, *Фирк.143 78об. tūtamak* ‘курение’, *Тыр.1841 tūtsī* ‘курение’.

• Слово *ладан* было заимствовано и в караимский язык [КРПС 1974: 398], правда известно лишь по тракайскому переводу Быт 37:25, 43:11 в *Мицк.1889 48, 56*, где соответствует др.-евр. *lōt* и греч. *σταχτή* ‘мирра’. В ст.-слав. Восьмикнижии – *вонлвица/вонллица* [КБПМ 1908, IV: 318], которое в правленном Пятикнижии глоссировано арабизмом (прошедшим тюркское или греческое посредничество) *амбаръ* ‘амбра’ [Grishchenko 2016: 261–262], причём в СС тюркская форма *ambar* глоссирована латинской *ladanum*.

Рассмотрим ещё два случая возможного текстуального влияния славяно-русского Пятикнижия на тюркский таргум, причём оба касаются пищевых запретов, которые в значительной степени всегда волновали и волнуют носителей различных иудейских традиций: между ними – прежде всего между караимами и раббанитами – в этих вопросах имеются расхождения, так что в качестве книжного источника, на который могли опираться средневековые иудейские законоучители, жившие на русских землях Великого княжества Литовского и Польши и полемизировавшие друг с другом, нельзя полностью исключать и славяно-русское Пятикнижие.

Речь идёт прежде всего о тёмном месте в Быт 32:26 и 32:33 (нумерация стихов в LXX – 32:25 и 32:32 соответственно), где говорится о некоем сухожилии (или нерве?), которое было повреждено у Иакова, когда он боролся с Богом (или ангелом, согласно иудейской интерпретации: см. *Таблицу 1*), и которое запрещено в пищу (естественно, у разрешённых животных). В первой части *Таблицы 2* приведены следующие тексты: LXX с буквальным переводом на русский, МТ с интерлинейрным пословным переводом и ст.-слав. перевод по рукописи *Тр.1* с учётом значимых разночтений согласно критическому изданию Бытия А. В. Михайлова [КБПМ 1903, III: 271, 273]. О том, сколько споров вызывали эти места у раввинов, свидетельствуют следующие толкования:

Onk Быт 32:26: Увидев, что не может одолеть Иакова, Он дотронулся до его бедра, и кость вышла из сустава, когда они спорили; Быт 32:33: Поэтому потомки Израиля не едят бедренное сухожилие, которое на тазобедренном суставе, – ведь именно этого сустава, а значит, и бедренного сухожилия Иакова коснулся Он.

Берешит Раба Быт 32:26 Рабби Берехья и рабби Эльзар [говорят]: – Вывихнул. От имени рабби Аси [говорят]: – Рассек, как рыбу. Рабби Нахман сказал: – Выворотил, подобно сказанному: «И отвратилась (*ва-тека*) душа Моя от нее» (*Иез* 23:18) [прим.: Мудрецы толкуют употребленный в стихе редкий глагол זרלל (*ва-тека*). Последнее толкование основано на сходном словоупотреблении в книге *Йехезкель*: Всевышний отвращается от Шомрона и Иерусалима, изображенных в качестве сестер-блудниц. Из этого мудрецы выводят медицинский термин – это слово означает тяжелый вывих, выпадение кости из сустава.]; Быт 32:33: Сказал рабби Ханина: – Почему она называется «сухой (*ѓа-наше*) жилой»? Потому, что перепрыгнула (*наша*) с места своего [прим.: В стихе говорится о גיד הגשם (*gid ѓа-наше* – «сухожилие»); при этом не вполне понятно, о какой части ноги идет речь. Рабби Ханина считает, что название сухожилия происходит от созвучного ему слова – речь идет о жиле, которая от прикосновения ангела «перепрыгнула» (גשם – *наша*) со своего места]. Рабби Ѓуна сказал: – Эти жилы разрешены, но святые [сыны] Израиля постановили их себе запретными [прим.: Из сказанного в стихе рабби Ѓуна делает вывод, что Тора не запрещает употреблять эту жилу в пищу, но потомки Яакова по собственной инициативе запретили ее себе в память о событии, которое произошло с их праотцем]. Рабби Йеѓуда сказал: – Одной из них коснулся [ангел], и одна из них запрещена. Рабби Йосе сказал: – Одной из них коснулся, но обе запрещены [прим.: Из слов рабби Йеѓуды следует, что ангел коснулся правого бедра Яакова, поэтому именно сухожилие правой задней ноги скота запрещено в пищу. Рабби Йосе же считает, что, хотя ангел коснулся лишь одного бедра, следует запретить обе жилы, видимо, потому, что неизвестно, какое именно бедро это было. Любопытно, что данная дискуссия не отражена в литературе *танаев*, где преобладает точка зрения, совпадающая с мнением рабби Йосе]. А есть *танаи*, которые учат: – Разумно предположить, что это [жила] правой [ноги], согласно словам рабби Йеѓуды. А есть *танаи*, которые учат: – Разумно предположить, что это [жила] левой [ноги], согласно словам рабби Йосе. Тот, кто говорит, что правой: «И коснулся сустава бедра его» (Быт 32:26); а тот, кто говорит, что левой: «Потому что коснулся тот сустава бедра Яакова» [прим.: Метод толкования основан на том, что в стихе *Быт* 32:26, слово «бедро» приводится с личным окончанием, обозначающим принадлежность. В этом усматривается намек на то, что речь идет именно о правом бедре, более важном, согласно древней антропологии, и потому соотносимым с личностью владельца. Однако оппонент толкователя указывает, что в стихе 32:33 этого окончания нет, и предполагает, что это обстоятельство намекает как раз на левое бедро. Любопытно, что в арамейских пересказах сохранилась традиция, говорящая о правом бедре Яакова].

Раши Быт 32:25: «Коснулся состава (каф, букв. “ложки”) бедра его» – часть бедренной кости, соединяющаяся с тазовыми костями, называется ложкой, потому что мышцы над ней образуют подобие ложки. «Повредил (*ва-тика*)

состав бедра» – оно отошло от места соединения, как в стихе [...] (Иер 6:8). А в Мишне слово *лекаакеа* [*бицаатан*] означает «вырывать [с корнем]»; Быт 32:32: «Жилы, которая на составе бедра (*гид ха-наше*)» – почему она так называется? Потому что она отодвинулась (*наша*) со своего места и приподнялась. Этот корень означает движение, подобно сказанному: «... истощилась (*нашта*) сила их...» (Иер 51:30), также «...Бог дал мне забыть (*нашани*) все несчастья мои...» (Быт 41:51).

Ибн Эзра Быт 32:25: «И повредил (*ваттека*)» – как в стихе: «чтобы душа Моя не удалилась (*тека*) от тебя» (Иер 6:8), то есть состав бедра отделился от своего места; Быт 32:32: «Жилы на составе бедра (*гид ха-наше*)» – эта жила известна нам по традиции, переданной от наших мудрецов, да будет память их благословенна, и сомневаться в этом могут только невежды, толкующие это как половой член и слово *наше* возводящие к тому же корню, что и *нашим* («женщины»).

Сфорно Быт 32:25: «Коснулся» – то есть сообщил о будущем грехе предводителей его народа, и из-за беспокойства об этом единение с Богом нарушилось; Быт 32:32: «Потому и доныне сыны Израилевы не едят» – чтобы указать на вред от прикосновения туда, где сходят бедро и место, считающееся у нас срамным.

Славянский перевод этих двух стихов содержит загадочное слово, которым было переведено греч. τὸ πλάτος τοῦ μηροῦ (буквально ‘широта бедра’), и в нём, как видно из разночтений, собранных А. В. Михайловым, весьма велика вариативность: *пръчезна, пръчеса, пречаса, причреса, пръчръсла, пресече* (Быт 32:25), *пречреть, пречеть, чръсть, пръчлесе, пръчеса, пресече* (Быт 32:32). Примечательно также, что второй из стихов (в МТ под номером 32:33) подвергся глоссированию в рукописях правленного славяно-русского Пятикнижия, где представлено довольно сложное соотношение между вариантами этого чтения (чередованием букв *е* и *ъ* в примерах ниже придётся пренебречь):

- в большей части рукописей *пресече* в основном тексте и глосса отсутствует (Рум.27 79, КБ 2/7 49, БАН 17.16.33 49об., Егор.648 62об., МГАМИД 354 12б, Q.I.140780об.; Погод.76 58об., Рум.28 24а, ЦГАДА 790 37, Арханг.Д.17 86, Волок.8 58);

- в одной рукописи *пресече* в основном тексте и глосса *пречесе* на полях (КБ 3/8 81);

- в одной рукописи *пречеса* в основном тексте и глосса отсутствует (Вил.51 48);

- в одной рукописи *пречесе* в основном тексте и глосса отсутствует (Волок.7 44об.);

- форма *пречесе* в списке нумерованных глосс (Q.I.1407 475об).

Учитывая исходную семантику τὸ πλάτος τοῦ μηροῦ в LXX, первоначальным чтением можно признать форму **прѣчизна* (отражённую уже в испорченном виде только в одном, но старшем списке *Тр.1* в написании *прѣчезна* первого из стихов), которая в таком случае оказывается однокоренной предлогу *сѣпрѣки* (соответствует тому же греч. существительному πλάτος) и может быть переведена как «поперечина».¹⁶ Однако остальные разночтения предлагают ещё три внутренние формы для этого трудного слова: 1) ‘нечто находящееся рядом с бедром (*чреслами*)’ – в написаниях типа *пречрес(л)а/причрес(л)а* (корень -чресл-); 2) ‘нечто *пресечённое*’ – в написаниях типа *пресече* (корень -сеч-); 3) ‘нечто, что *причѣсано*’ – в написаниях типа *пречесе* (корень -чес-). Кроме того, во всём этом клубке разночтений остаются неясными: 4) частеречная принадлежность этих форм: они могут интерпретироваться то как существительное (**пречреса*/**пречеса*/**пресеча*), то как форма аориста (**пресече*/**пречеса*); 5) какая именно здесь содержится приставка – *прѣ-* (*пре-*) или *при-*, что также влияет на семантику.

Ещё сильнее этот вопрос запутан в лексикографии. СЛРЯ XI–XVII вв. собрал все эти формы со следующими толкованиями:

ПРЕЧЕЗНА (ПРЪ-), мн. То же, что ПРѢЧРЪСИЕ (в знач. 1) – контекст только из *Тр.1* [СЛРЯ XI–XVII вв., 19: 82];

ПРЕЧЕСА см. ПРѢЧРЕСА [ibid.];

ПРЕЧРЕЗЛИЕ см. ПРѢЧРЕСЛИЕ [ibid.: 84];

ПРЕЧРЕСА, ПРЕЧЕСА, мн. То же, что ПРѢЧРЕСИЕ (в знач. 1) – контексты только библейские, греч. параллель – только τὸ πλάτος [ibid.];

ПРЕЧРЕСИЕ (ПРЪЧРЕСИЕ, ПРЕЧРЕСЪЕ), с. 1. ‘тазобедренный сустав’ – только библейский контекст; **2.** ‘терзание, страдание’ (без греч. соответствия): Нужа прѣчрѣсия творити и блязны. Златостр.³, 44. XII в. Азь испущю вся пречресья своя въ срѣдце твое и людии твоихъ. (Пал.) Вост. II, 133. 1494 г. – Ср. ПРѢЧЕЗНА, ПРѢЧРЕСА, ПРѢЧРЕСЛИЕ [ibid.];

ПРЕЧРЕСЛИЕ (ПРЕЧРЕЗЛИЕ), с. ‘терзание, страдание; обида’: Абие же возненавидѣ и брата своего Диоскора епископа Ермопольскаго и пречреслиа ему и печали творяше велми. (Ж. Ио. Злат.) ВМЧ, Ноябрь, 13–15, 1000. XVI в. ~ XV в. И от многога вашего озлобления и скорбления и утеснения, вместо крови, многи излияшеса наших слез и въздыхания и стенания сердечнаго; и от сего убо пречрезлие прият, еже убо и конечному люблению не сподобисте мя, еже о царице нашей и о чадах наших не поскорбисте со мною. Ив. Гр. Посл., 55. 1564 г. – Ср. ПРИЧРЕСЛИЕ [ibid.];

¹⁶Эта идея была высказана нам в устном сообщении А. А. Гиппиусом.

причреслие, с. То же, что пречреслие – и та же цитата из послания Ивана Грозного, но по другому списку [ibid., 20: 82].

Ситуация осложняется появлением ещё одного значения – ‘терзание, страдание’, для которого словарь не приводит ни одного греческого текстуального соответствия. Впрочем, для примера из «Словаря церковнославянского языка» А. Х. Востокова одно из таких соответствий можно восстановить, но это всё равно не проясняет ничего, хотя этот контекст также является местом глоссирования правленого Пятикнижия. «Азь испущю вся пречресья своя...» – это часть стиха Исх 9:14 (МТ *'ānī šōlēh 'et-kol-maggēpōtay 'el-libbākā* ‘я пошлю все язвы мои в сердце твоё’), в котором глоссировано слово *мѣка* (др.-евр. *maggēpā^h*, греч. *συνάντημα* ‘бедствие’), ср. *Q.I.14071460б.–147: азъ испущю || щъ вса мѣкы свои въ срѣци твоѣ* в основном тексте и глосса *прѣчерсья...* на полях (глоссированное слово выделено знаками сноски; там же в нумерованном перечне глосс, 475об., под 22-м номером: *пречерсья*); *Волок.7 82об.: азъ испущюу | вса прѣчерсья свои въ срѣце твоѣ* в основном тексте и глосса *мѣкы* на полях. Чтение *пречерсья*, судя по критическому изданию Исхода, принадлежит ещё ст.-слав. переводу (единственное лексическое разночтение – *Тр.1 прость*) [Вилкул 2015: 108], а это значит, что чтение *моуки* принадлежит исключительно редакции правленого Пятикнижия. В *Тыр.1841* этому слову соответствует *qīgan* ‘мор, зараза’ [КРПС 1974: 381].

Таблица 2. Какой орган повредил Иаков в борьбе с Богом/Ангелом
2.1. Преческий, древнееврейский и славянский тексты

LXX	MT	Слав. перевод (Тр. I и разночтения)
<p>32:25(26) Быт εἶδεν δὲ ὅτι οὐ βύβηται τρῶς αὐτοῦ, καὶ ῥήατο τοῦ πάλαιος τοῦ ἡγεῖο αὐτοῦ, καὶ ἐβόηκεν αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ 'увидел же, что не может против него, и ко- нулся широты бедра его, и онемела широта бедра Иакова, когда боролся ему с ним'</p>	<p>ваууаг' кі іо' уаіко іо ваууігга' и увидел, что не может к нему и конулся ракав-уагек'о walt'eda' в ложбине бедра его, и была вывихнута кар-уагек' Уа'адоb ваhe адоb 'имно ложбина бедра Иакова в его борьбе с ним</p> <p>Пер. РВО: <i>Увидев, что не может одолеть Иакова, Он ударил его по бедру – так, что кость вышла из сустава</i> [РБК 2010: 459].</p>	<p>видъ ако не можетъ · про гину ^{ев} приат же съ речи¹⁾ стегна [его] · і оутерпе прѣче ана²⁾ стегна акова егда бораше са с нимъ</p> <p>¹⁾ въ, въпрѣча; ²⁾ прѣчеса, пречаса, причреса, прѣпрѣса, пречесе</p>
<p>32:32(33) Быт ἐπεκεν τοῦτο οὐ πῦρ ἐδάψασιν οἱ υἱοὶ Ταραῖῶν τὸ νεῖδρον, ὃ ἐβόηκεν, ὃ ἐστὶν ἐπὶ τοῦ πάλαιος τοῦ ἡγεῖο, ἕως τῆς ῥηέρας τοῦτο τῆς βίτ' ῥήατο τοῦ πάλαιος τοῦ ἡγεῖο Ιακώβ τοῦ νεῖδρον καὶ ἐβόηκεν 'потому не едят сны Израилевы сухожилые, которое онемело, которое у широты бедра, по дня сего, поскольку конулся широты бедра Иакова у сухожилыя – и оно онемело'</p>	<p>'al-ken lo' -yo' kna baneu- 'Isra'el поэтому не едят сны Израилевы 'e- 'et- 'id halpase 'asher 'al- kar haууаг'ек' «тд га-наш» которое над ложбиной бедра 'ad haууom hazze ki паг'а' до дня сего ибо ударил ракар- уагек' Уа'адоb по ложбине бедра Иакова be'et- id halpase по «тд га-наш»</p> <p>Пер. РВО: <i>Потому помощки Израилля не едят бедренной мышцы – ведь иасенно по этой мышце, по бедру, ударила Иакова его Промыслик. Прим.: «Евр. гид-ганнаше по-видимому обозначает какую-то мышцу (а не нерв или сухожилые, как иногда переводят), так как данный запрет подразумевает возможность употребления гид-ганнаше в пищу. Более этот запрет в Библии не упоминается»</i> [РБК 2010: 463].</p>	<p>се го дѣла не имуть асти · снѣе изрлви жили даже оутерпе¹⁾ въ²⁾ пречресе³⁾ сте гна акова⁴⁾</p> <p>¹⁾ оутрѣчваъ; ²⁾ про.; ³⁾ пречесеъ, чрѣсь, прѣчасе, прѣчеса; пречесе и слова пречесеъ в стискахъ прачеленого Пятикнижия; ⁴⁾ ест. жили даже оутрѣпе (Древнекиевский Хронограф)</p>

2.2. Разные версии тюркского таргума

III-73	Конст. 1832	Тыр. 1841 (с разночтениями)	Мицк. 1889
<p>Byт 32:26</p> <p>dā' kyördyū [B 556 доб. 'öl mal'āk] и увидел [англ.] ki yénalmédi 'ani что не одолевает его dā' t'ydi şeşkâ'sinâ' bütünün и кончился сугава бөдра его dā' qözgâldi и зашатался</p>	<p>da-gördü и увидел ki qadir 'ölmadi 'ona' что моши нет у него da-değdi sîrşasîna' бütünün и кончился чашин бөдра его Ya 'aqobün da öyünadi Иакова и высокочила [вар. на поле: da-şiqf] [и вышла]</p>	<p>da-gördü и увидел ki yénalmédyr 'ani что не одолевает его dā-t'ydi şaşqasîna' bütünün и кончился сугава бөдра его dā-qözgaldı и зашатался</p>	<p>dā-kyördyū и увидел ki yénalmédyr 'ani что не одолевает его dā-t'ydi şaşqasîna' bütünün и кончился сугава бөдра его dā-qözgaldı и зашатался</p>
<p>şeşkâsî bütünün Ya 'aqob-nün сугав бөдра его Иакова şengeskênindyâ' birgêsniyâ' в борьбе его с ним</p>	<p>sîrşasî bütünün Ya 'aqobün чаша бөдра его Иакова gürêşîğindê' 'önün 'lên в борьбе его с ним</p>	<p>şeşkâsî bütünün Ya 'aqob-nün сугав бөдра его Иакова şengyâşkyanindya' birgysniya' в борьбе его с ним</p>	<p>şeşkâsî bütünün Ya 'aqob-nün сугав бөдра его Иакова şengyâşkyanindya' birgysniya' в борьбе его с ним</p>
<p>Byт 32:33</p> <p>'anin 'yüstyün 'aşamýyâydılar 'ulanlari поэтому не едят сыны Yisra'el-nin 'ösöl 'gîd hanaşeni Израиля «гид га-нашэ»</p>	<p>'önuñ 'işün yemezler 'ewwlaclari поэтому не едят потомки Yisra'el-nin 'gîd 'ö nâse Израиля «гид га-нашэ» [вар. на поле: 'ö qöpmüş sîniri] оторванную жилу</p>	<p>'anin 'yüstyün 'aşamýyâydılar 'ulanlari поэтому не едят сыны Yisra'el-nin 'gîd hanaşeni Израиля «гид га-нашэ»</p>	<p>'anin 'yüstyün 'aşamýyâydılar 'ulanlari поэтому не едят сыны Yisra'el-nin 'gîd hanaşeni Израиля «гид га-нашэ»</p>
<p>ki şeşkâsî 'yüstyünyâ' 'öl bütünün что над сугавом бөдра его 'öspü kyüngedeyin ki t'ydi mal'āk до сего дня либо кончился ангел şeşkâsîniyâ' bütünün сугава бөдра его Ya 'aqobün 'gîd hanaşe-gyâ' Иакова по «гид га-нашэ»</p>	<p>ki sîrşasî 'üzerine' 'ö bütünün что над чашей бөдра его bü 'ö günedeq ki değdi до сего дня либо кончился sîrşasîna' bütünün чашин бөдра его Ya 'aqobün 'gîd 'ö nâse de' Иакова в «гид га-нашэ»</p>	<p>ki şaşqâsî 'yüstyünya' 'öl bütünün что над сугавом бөдра его 'üşpü kyünnyya '-deyin ki t'ydi до сего дня либо кончился şaşqâshâ' bütünün сугава бөдра его Ya 'aqob-nün 'gîd 'öl nâse-dya' Иакова в «гид га-нашэ»</p>	<p>ki şaşqâsî 'yüstyünya' 'öl bütünün что над сугавом бөдра его 'üşpü kyünnyya '-deyin ki t'ydi до сего дня либо кончился şaşqâshâ' bütünün сугава бөдра его Ya 'aqob-nün 'gîd 'öl nâse-dya' Иакова в «гид га-нашэ»</p>

В разных версиях караимского таргума (см. вторую часть *Таблицы 2*¹⁷) «ложбинка бедра» (др.-евр. *kaḇ-yérek*, где *yérek* – ‘бедра’, а основное значение слова *kaḇ* – ‘ладонь’, но также и ‘ложка’) переводится тремя способами:

- в крымских рукописях, представляющих луцкую традицию (учтены в разночтениях к тексту из *Тыр.1841*), и в издании *Конст.1832* это – уже в транскрипции, а не транслитерации – *syřčasy butunuḡ/butunuḡ* ‘чашка бедра’, где *syřča* – ‘чашка’ [КРПС 1974: 495];

- в галицком и тракайском вариантах, весьма близких друг другу, это – в транскрипции для тракайского диалекта – *čašxasy butunuḡ*, в транскрипции галицкого диалекта – *ceskasy butunuḡ*: словарём зафиксирована только галицкая форма *цэска* со значением ‘сустав’ [КРПС 1974: 619], которое выводится исключительно из библейского контекста, но не учитывает происхождение этого слова, которое выглядит заимствованием из вост.-слав. *чашка* или польск. *czaszka*;¹⁸

- в *Тыр.1841* содержится уникальная форма – в соответствующей транскрипции – *qašyčyḡ* (*ʔqašyčyq*), которая отсутствует в словаре и может быть интерпретирована двумя способами: 1) как диминутив на *-čyq* от крымского слова *qašyq* ‘ложка’ [КРПС 1974: 367–368] (ср. соответствующие галицкое *kasyk* [ibid.: 296] и тракайское *kašux* [ibid.: 300]) – то есть ‘ложечка’, что по значению оказывается довольно близко др.-евр. *kaḇ*; 2) как отглагольное имя на *-čy*, *-čī* от основы крымского *qašy-* ‘чесать’, ‘почёсывать’ [ibid.: 367] (ср. соответствующие галицкое *kasy-* [ibid.: 296] и тракайское *kašy-* [ibid.: 300] с аффиксом *-ky*, *-ki*, *-ḡy*, *-gi* (преимущественно адъективный) – то есть ‘нечто чешущееся’.

Таким образом, в двух из трёх вариантов перевода др.-евр. *kaḇ* в тюркских таргумах обнаруживается переключка с формами славянского Пятикнижия: либо только по созвучию (корни *-чес-* и *-чеш-*), либо по значению ‘чесать’. Вполне вероятно, что это всего лишь совпадение (или целых два совпадения), но вряд ли тёмное слово в Быт 32:32(33) случайно подверглось глоссированию, особенно с учётом постоянного напряжённого интереса иудейских книжников к вопросу пищевых запретов – кашрута.

К той же области кашрута относится ещё одно примечательное чтение, которым мы закончим нашу статью, правда, оно обнаруживается только

¹⁷ Для *Тыр.1841* приведены лексические и основные грамматические разночтения из рукописей: *Фирк.144* 39, *В 476* 46–460б., *В 323* 420б., *В 235* 310б.

¹⁸ Для польского слова лексикографически фиксируется даже устаревшее значение, идентичное тому, что представлено в галицком и тракайском таргумах, ср.: «anat. [...] c) † *wkłęsłość kości, w którą wchodzi inna kość*: C. biodr, ramion» [SJP, I: 377–378].

в галицкой версии тюркского таргума, записанной на тракайском диалекте (III-73). В Таблице 3 представлена правка стиха Втор 14:5, изначально содержавшего перечень из семи чистых (кошерных) копытных, который при переводе с греческого на славянский был испорчен несколькими явными ошибками: 1) *τραγέλαφος* ‘козлоолень’ разделился на два названия, причём первое (*платонъ* или *плотоунъ*) невозможно никак интерпретировать, поскольку ни в одном славянском языке и/или диалекте нет похожего слова (если только чисто гадательно не связать «плотуна» с плотиной, предположив, что это бобр – животное, впрочем, некошерное); а второе название *язвъ* ‘барсук’ обозначает также некошерное животное, которое уже было упомянуто в соответствующем перечне в Лев 11:6; 2) греч. *πύγαργος*, судя по всему, в результате искажённого – с метатезой согласных – прочтения по-славянски дало ещё одно тёмное слово; 3) то же случилось при передаче греч. *ῥουξ*, которое, вероятно, лишь по созвучию совпало со слав. *рысь* (это животное некошерное); 4) в греч. *καμηλοπάραδαις* первый славянский переводчик опознал только первую часть слова (*κάμηλος*), переводя его как *вельбждъ*, хотя двумя строками ниже (Втор 14:7) верблюд перечисляется среди нечистых «копытных».

Во всех списках правленного славяно-русского Пятикнижия, которое обнаруживает ещё несколько следов знакомства его редакторов с кашрутом,¹⁹ а также в тех списках Восьмикнижия предшествующей редакции, что испытали влияние правленного Пятикнижия (в качестве таковых они были упомянуты выше: МДА 12, Барс.2 и БАН 45.13.4), все эти ошибки устраняются, но не с помощью более точного перевода с греческого, а подбором названий тех кошерных животных, которые обитали на восточнославянских землях или у их границ со Степью – на территории Золотой Орды и образовавшихся на её месте татарских ханств. Более чем странные «плотун и язв» были заменены на тура – дикого быка, окончательно истреблённого человеком к 1627 г., при этом он исчез «в Центральной и Западной Европе к 1400 г. Дольше всего туры держались в Польше и Литве, где они последние столетия уже жили под охраной, почти на положении парковых животных» [Банников, Флинт 1989: 516–517]. Загадочного «пурарга» сменил вполне понятный зубр, некошерную рысь – кошерный лось.

¹⁹Этой теме будет посвящена отдельная наша статья, в рамках же настоящей работы ограничимся пока лишь перечнем чистых копытных во Втор 14:5, тем более что в этом стихе рукопись III-73 отражает явное влияние славянского текста на тюркский таргум.

Таблица 3. Перечень чистых копытных во Втор 14:5

(сметло-серой заливкой выделены названия нечистых животных, тёмно-серой – названия без определённой интерпретации; серым шрифтом – названия животных в тюркском гарнуме, совпадающие с названиями МТ)

МТ	LXX	Ст.-слав. перевод	Правленое Пятиязыкие	Тюркский гарнум		
				III-73	Конеп.1832	Тыр.1841
'аууал 'огень'	ἔλαφος 'огень'	елень	елень	soğaq ↓ yuf 'англиона, дикая коза, серна' [КРПС 1974: 260]	күлкү '?'	sybın 'огень, лань' [КРПС 1974: 483]
'sərdi 'тазель'	δερμάς 'тазель'	сырна	сырна	boşyul (буывол – травайское [КРПС 1974: 137])	ḡeytan 'тазель'	күлпк 'эски 'серна' [КРПС 1974: 672]
уаймпыр 'косуля?'	βοῦβάλος 'буывол'	боволница, боволница, боволница, ю.-слав. быволъ	бууболница, буыволница (Есор. 648), боволница (Позод. 76)	boşyul (буывол – травайское [КРПС 1974: 137])	su sigini 'волной бык'	уаймпыр
'аққо 'дикая коза?'	τραγέλαφος 'козлогонь'	плагонь, пноточунъ и мазвь 'баруык'	тоурь	rolé 'qur 'полевая овца' (кой [КРПС 1974: 329])	уаһап təkəsi 'дикая коза'	'аққо
dison 'зубр?'	τύγαιρος 'белозадый (англиона)'	пударгъ, ндргалъ, паргалъ	зоубурь, зоубурь	dison	qaradǵy 'косуля'	dison
ta'ó 'дикая овца? англиона?'	βράξ 'англиона'	рысь	люсь	los [КРПС 1974: 400]	уаһап sigini 'дикий бык'	ta'ó
zəmer 'разновидность тазели? горный баран или козёл?'	κύνυλος/αἰβάλας 'жиряф', буиве, 'веролодобаре'	вельбждь, вельблюдь, бкны	сапгакъ, сапганъ	zhbrā	dag kəşisi 'горная коза'	zəmer

Но самым удивительным было появление вместо некошерного верблюда малоизвестного восточным славянам, но, видимо, уже вполне привычного глоссаторам сайгака (написание *сауганъ*, представленное только в четырёх списках, – вторично, появилось как раз в результате слабого знакомства переписчика с этим названием). Если бы правка перечня чистых животных проходила с обращением к LXX, то восточнославянские книжники позднего средневековья узнали бы в животном *καμηλοπάρδαλις* хорошо знакомого им «велбудопардуса» (он же «верблюдопардус», «верблюдорысь» или «камелопардалис») [Белова 2001: 68–69, 71, 139].²⁰ Перед нами самая ранняя письменная фиксация слова *саугакъ* в славянской письменности. В соответствующем же словаре самое раннее употребление этого слова (а также его производного *сайгачий*) относится к 1654 г., и взято уже из деловых документов, а не библейского текста [СлРЯ XI–XVII вв., 23: 21], хотя столетием раньше, в «Записках о Московии» 1549 г., барон Сигизмунд Герберштейн упоминает это животное под двумя названиями – польским (?) *solhas* и русским *seigack* [Записки 2008, I: 484/485], см. в русском переводе с латыни:

На степных равнинах около Борисфена, Танаиса и Ра водится лесная овца, именуемая поляками солгак, а москвитами – сайгак, величиной с коосулю, но с более короткими ногами; рога у ней вытянуты вверх и как бы отмечены колечками; москвиты делают из них прозрачные рукоятки ножей. Они весьма стремительны и очень высоко прыгают.

Примечательно, что глава «О диких зверях», в которой описан сайгак, непосредственно связана с главой «О Литве» и посвящена прежде всего зверям, обитающим на землях Великого княжества Литовского, – зубру, туру и лосю [ibid.: 478–485]. Вместе с сайгаком, обитателем степей между Днепром, Доном и Волгой,²¹ список «литовских» животных Герберштейна удивительным образом совпадает со списком животных, которым были исправлены ошибки ст.-слав. перевода Втор 14:5.

²⁰Именно так в своём переводе на славянизированную «просту мову» поступил Франциск Скорина: на месте верблюда ст.-слав. перевода у него стоит форма *Камелопарда* (Скор. Втор.1519 зооб.).

²¹«Западным пределом распространения сайгака в XVII–XVIII вв. были предгорья Карпат, по-видимому, Южный Буг и Прут [...] Северная граница в Европе проходила немного южнее Киева и далее по линии Курск, Усмань, Тамбов, Самара (Куйбышев) [...] Видимо, сайгаки изредка заходили в левобережное лесостепное Поднепровье, поскольку из лесостепной Украины они как большая редкость отсылались в Москву. [...] В бассейне Северного Донца в XVII в. сайгаки встречались у г. Чугуева. В 60-х годах того же века они появлялись у р. Самары, т. е. подходили к окраинам лесостепи» [Банников et al. 1961: 36–37].

Что же касается названий сайгака, то «московитская» форма довольно близка той, что представлена в правленном славяно-русском Пятикнижии, тогда как «польская» вызывает гораздо больше вопросов. Во-первых, она не встречается в аутентичных польских источниках, по крайней мере отсутствует и в [SStp, I–XI], и в электронном словнике [SP XVI w., I–XXXVI–] (тома на букву *S* ещё не опубликованы), а в [ESJP XVII–XVIII w.] статья *SOŁHAK пока пустая, и сама вокабула приведена именно так, под звёздочкой, т. е., скорее всего, статья должна содержать упоминание этого слова Герберштейном. Во-вторых, «польская» форма ближе другому тюркскому варианту названия этого животного – *sōḡaq*. Общее происхождение этой формы с формой *sayḡaq* кажется более чем вероятной, ср. этимологию обоих слов Л. С. Левитской:

◇ [...] По всей вероятности, **сайгақ** имеет то же происхождение, что и **со:гақ** ‘вид антилопы’, восходящее к ***сойуға** ‘рог’ + -к [ЭСТЯ, 7: 164];

◇ **Со:гақ**, вероятно, генетически связано с уйг. **soy-a** ‘рог антилопы’ [...], соответствующим монг. **soyuу-a**, одно из значений которого ‘вид иглы или шила, сделанных из оленьих рогов’.

Из ***сой(у)га** при помощи уменьш. аффикса -к могло образоваться ***сойгақ** > **со:гақ**, букв. ‘рог, рожок’ > ‘рогатый’. Возможно, что помимо ***сойуға** существовал более архаичный вариант ***сайуға**, откуда современные **сайга** и **сайгақ** [ibid.: 295].

Возможно, вставное *l* в «польской» форме Герберштейна *solhas* было показателем долготы первого гласного, но в любом случае вокализм этой формы сближает её с той, что зафиксирована в тюркском таргуме восточноевропейских караимов. Впервые на это обратил внимание Т. Ковальский, изучавший этот таргум и подготовивший издание нескольких книг из него. Он обнаружил «wyraz *soyaḡ* (= *soyak*) w znaczeniu ‘młode (jelenia, antylopy i t. p.)»²² [Kowalski 1928: 352] в «севернокараимском» переводе («w różnoscno-karaimskim tłumaczeniu») Песни песней (Песн 2:9, 2:17, 4:5, 7:4). В передаче Ковальского др.-евр. слову *’ōper* ‘молодой олень (или газель)’ (Песн 2:9) соответствует словосочетание (с направительным аффиксом в первом компоненте) *soyaḡyna oleńlarńń*, где *oleńlarńń* – славянское заимствование *oleń* с тюркскими аффиксами мн. ч. и притяжательности. Примечательно,

²²Значение ‘олень’ в галицком диалекте [КРПС 1974: 476] появилось в результате некритического учёта материала словаря А. Мардковича, куда оно попало, видимо, исключительно благодаря сопоставлению с Втор 14:5 (впрочем, никаких ссылок на источник там нет) [SK, 2: 58].

что это слово заимствовано именно из народного восточнославянского, а не церковнославянского или польского (откуда было бы *jelen*). Тому же др.-евр. слову форма *soʕaq* соответствует и в других стихах Песни песней.

Насколько старым было заимствование *oleń* в караимский язык (судя по приведённой Ковальским транскрипции, это был текст на тракайском диалекте), сказать решительно невозможно, но то же слово употребляется в Песни песней в двух западнорусских переводах напрямую с МТ на рутенизированный церковнославянский (старший восточнославянский перевод, известный в списке втор. пол. XVI в.) и на «просту мову» (в составе *Вил.262*), ср. старший перевод: *лании ѡленевъ* (Песн 2:9, 2:17); *два младых еленичи* (Песн 7:4) (в Песн 4:5 ошибка перевода: *два младых ѡловича*) (по изданию: [Алексеев 2002: 144–148]), – и перевод кружка Захарии: *подобенъ милостникъ мѡ ѡленю ѡ любо козелчикъ сернлчомъ* (Песн 2:9); *ѡленеви ѡ любо козелчикъ сернемъ* (Песн 2:17); *ѡленѡта близньци ланьѡны* (Песн 7:4) (в Песн 4:5 – иначе: *дѡвѡ ланѡта блѡзньци ланьѡны*) (по изданию: [ibid.: 149–154]).

Вернёмся, однако, к Втор 14:5 и обратимся к передаче др.-евр. названий кошерных копытных в тюркском таргуме. Судя по всему, эта задача для караимских книжников оказалась не из лёгких, поскольку все названия были переведены – в рамках языкового эксперимента, не получившего дальнейшего продолжения, – лишь в издании Конст.1832 (см. *Таблицу 3*), причём все варианты из этого издания носят подчёркнуто турецкий характер и не находят ни одного формального соответствия в прочих версиях тюркского таргума. Метургеманы, работавшие над подготовкой издания *Тыр.1841* (или их предшественники, оставившие свой след в неизвестных нам рукописях), перевели только первые два названия, а остальные пять оставили без перевода – в формах МТ. Во всех доступных нам рукописях крымско-луцкой традиции, содержащих Второзаконие, находим то же самое. И только старший галицкий список Второзакония III-73 даёт значительно больше оригинального материала (непереведённым в нём остался только *dīšōn*).

Прежде всего, в нём обращает на себя внимание полное формальное соответствие четырёх названий животных из семи названиям правленого славяно-русского Пятикнижия, правда с некоторыми перестановками. Сайгаку на последнем месте в перечне кошерных копытных славяно-русского Пятикнижия (*zémér*) соответствует *soʕaq* (из *soʕaq*) в галицком таргуме на первом месте (*ʿayyāl*, что, в свою очередь, не соответствует др.-евр. слову Песни песней, так что точного пословного соответствия в целом ожидать здесь не приходится).

Славянский зубр (*dîšôn*) в *III-73* оказался на месте *zâmer* (*zêmer*), возможно, по созвучию, но вполне очевидно – в застывшей форме славянского аккузатива *zubra* (в тексте к нему добавлен аффикс тюркского аккузатива *-nî*). Наконец, два названия из обоих текстов – *боуболицца* vs. *bouvol* и *лосъ* vs. *los* – соответствуют одним и тем же др.-евр. названиям.

Безусловно, перед нами более чем очевидное текстуальное влияние двух переводов Втор 14:5, но – в каком направлении? Является ли это место в *III-73* свидетельством влияния славяно-русской Библии на караимскую? С первого взгляда это именно так и кажется, учитывая наличие в *III-73* таких ярких (восточно?)славянизмов, как *bouvol*, *los* и *zubra*, а также компонента *pol'e* ‘поле (= > полевой)’ в названии ещё одного животного (*'aqqô*). Более того, нельзя исключать знакомство караимских книжников галицких общин с печатным (а, возможно, и рукописным) текстом церковнославянской Библии русского извода, а именно Острожской, которая была издана задолго до 1720 г. – времени написания *III-73*, ср. текст Втор 14:5 в её составе: *ѣленѧ ѡ сѣрнѧ ѡ бѣволицѧ, ѡ лѧнѧ, зѣбрѧ, ѡ ѡнагрѧ, сайгакѧ* (ОБ 1581 87а первой фоллиации). Лишь два названия отсюда соответствуют формам *III-73* (не считая формы *soġaq*, которую никак нельзя объяснить заимствованием из рус.-ц.-слав *сайгакѧ*). Три параллели находим в Библии Скорины: *Ѧленѧ Серну Бѣвола Диво|кого козла Лосѧ Зубрѧ Траѣлѧфа Камелопарѧда* (Скор.Втор.1519 30об.), – и только в ней, в отличие от всех списков славяно-русского Пятикнижия, название зубра стоит в форме винительного падежа, откуда могло в сущем виде (разве что с отвердением *г*, закономерным для белорусского ареала нач. XVIII в.) быть перенесено прямо в караимский таргум.

Такому решению проблемы текстуального влияния препятствует несколько обстоятельств. Во-первых, это невозможность вывести тюркскую форму *soġaq* (пусть и не собственно тюркскую этимологически) из тюркизма *сайгакѧ* в славяно-русском Пятикнижии: это хорошо зафиксированное в различных тюркских языках и диалектах обозначение копытного, и вторично заимствовать его из славянского текста не было никакого смысла, тем более что в *Скор.Втор.1519* – если рассматривать Библию Скорины как непосредственный источник правки тюркского таргума – именно это слово отсутствует, а в прочих редакциях славянской Библии представлено в иной форме. Во-вторых, правка славяно-русского Пятикнижия в XV в. во всех остальных случаях имела основное направление заимствования – из тюркского таргума в славянский текст, особенно в данном месте, демонстрирующем пре-

красное знакомство глоссатора с правилами кашрута. Скорее всего, в казусе со славянизмами в тюркском таргуме дело не в текстуальном, а в языковом влиянии, причём довольно старом – если не одновременно, то предшествующем правке/глоссированию славяно-русского Пятикнижия. Поскольку для караимов Библия является единственным источником галахи (в том числе кашрута), то именно в караимских её переводах в большей степени ожидаемо пристальное внимание к зоологической номенклатуре, которая должна быть понятна носителям конкретного диаспорального языка (в случае с восточноевропейскими караимами – западнокипчакского) и находить подтверждение в реалиях конкретной географической области (в данном случае – от степей Золотой Орды до пограничной лесостепи и лесов Великого княжества Литовского и Польши). Учитывая, что караимы переселились из степи в лесную полосу, у них возникла потребность в составлении иного перечня чистых диких копытных своего нового ареала, и когда эти животные были определены (те самые тур, зубр и лось, не обитавшие в степи), на помощь в их обозначении пришли восточнославянские диалекты – отсюда и славянизмы в тексте III-73. Наименование сайгака здесь формой *soğaq* – наследие степного прошлого, которое ещё сохраняло свою актуальность, поскольку сайгак как диковинный зверь был известен и в Литве, и в Москве, о чём можно прочесть у Герберштейна. Кроме того, посетивший Троки (Тракай) в 1414 г. фламандский рыцарь Жильбер де Ланнуа оставил в своих путевых заметках свидетельство о том, что в городе имелся зверинец, в котором жили в том числе интересующие нас животные (кроме, увы, сайгака):

В сказанном городе Троках есть огороженный зверинец, в котором находятся всякого рода дикие звери и птицы, какие только можно найти в лесах и получать оттуда; а между ими есть и необыкновенные, как то: дикие быки, называемые зубры (*ouroflz*), большие лошади, называемые *wesselz*, и другие, званые лосями (*hellent*), есть там также дикие лошади, медведи, кабаны, олени и всякого рода звери [Путешествие 1867: 41].

Наличие зверинца в непосредственной близости от тракайской общины тюркоязычных караимов говорит о том, что все эти названия животных, которые представлены во Втор 14:5, не были для них пустым звуком, а сами животные – лесной или степной экзотикой: они могли непосредственно наблюдать их, возможно, делая выводы об их кошерности и некошерности.

Наконец, имеется достоверное свидетельство о том, что сайгак употреблялся в пищу по крайней мере татарами (и посещавшими их европейцами), – его оставил знаменитый польский хронист нач. XVI в.

Матвей Меховский (1457–1523) в своём «Трактате о двух Сарматиях» (первое издание – 1517 г.; кн. I, трактат I, гл. VI):

Свак – это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно. Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают [Трактат 1936: 60].

В третьем прижизненном издании трактата 1521 г. это животное называется *swak*, тогда как в предшествующих изданиях 1517 и 1518 гг., по-видимому, допущена опечатка (*snak*) [ibid.: 141]. В немецком переводе (по изданию *Von Eckh 1518*) – *snak*; в польском переводе (см. первое издание *Glaber 1535 23*) – *swak*; в итальянском (*Annibal 1561 29*) – *suak* (sic!). И это значит, что Меховский в своём написании пытался обозначить губно-губной аппроксимант *w*, так что кириллическая транскрипция в русском переводе 1936 г. не очень точна. Форма *swak* может не передавать щелевой велярный *y* (*ǰ*), фарингальный *ʕ* или глоттальный *ħ* – или же, наоборот, передавать его выпадение по сравнению с зафиксированной в караимской письменности формой *soǰaǰ/soǰax* (<= *soǰaq*).

При правке славяно-русского Пятикнижия была выбрана близкая, но заимствованная, вероятно, из другого тюркского диалекта и уже освоенная на восточнославянской почве форма *sauǰaq* – вместе с уже используемыми тюркоязычными караимами славянскими обозначениями других кошерных животных. Впрочем, вторичного сближения тюркского таргума в его галицкой версии в нач. XVIII в. со славянской Библией, за полтора столетия до этого уже испытавшей влияние более ранней редакции того же таргума, полностью исключать нельзя.

Подводя некоторый итог, приходится признать, что пока в своих выводах о влиянии во втор. пол. XV в. тюркского таргума на славяно-русское Пятикнижие и возможном обратном влиянии – если не текстуальном, то хотя бы языковом – мы целиком зависим от того круга источников, который только-только вводится в научный оборот. Так, целенаправленного исследования всех маргинальных глосс правленного славяно-русского Пятикнижия не проводилось до самого последнего времени, и оно дало неожиданные результаты – благодаря выявленным среди них тюркизмам и другим заимствованным словам, прошедшим тюркское посредничество. Не исследована до сих пор и основная масса рукописей тюркского таргума, в частности их связи с переводами Пятикнижия на другие языки, включая славянский; старший список этого таргума *Фирк.143* был датирован нами 1470–80-ми гг. лишь в апреле сего года; относительно ранний, 1720 г., список *III-73* до сих пор готовится к изданию, и ещё множество караимских рукописей хранится практически в неизвестности по частным собраниям Европы и Ближнего Востока, до них исследователей допускают зачастую с большим трудом, поэтому нам столь важно обратиться и к владельцам этих собраний с призывом делиться с мировой научной общественностью копиями своих рукописных материалов, поскольку они могут оказаться кардинально важными для исследований не только локальной и узко-конфессиональной караимской традиции, но и огромного культурного пласта взаимодействия на пороге Нового времени тюркоязычных иудеев и православных восточных славян, – и в том числе благодаря этому факту, как посредники в беспрецедентном процессе межкультурного, межконфессионального и межъязыкового сотрудничества, тюркоязычные караимы приобретают первостепенное значение в истории Восточной Европы.

Наконец, тюркский таргум – не единственный источник глосс и эмендаций правленного славяно-русского Пятикнижия, здесь есть по крайней мере ещё один важный компонент – средневековая библейская экзегеза как караимской, так и раввинистической традиций, иначе появление многих глосс (таких, как параллельные библейским названия современных глоссатору городов или пророческие указания на дальнейшие события библейской и постбиблейской истории) объяснить невозможно. Такого рода сочинения ещё ждут дальнейших кропотливых исследований: среди них можно упомянуть и изданный в 1835 г. крымскими караимами в Евпатории классический комментарий на Тору «Сэфер га-мивхар (Книга отбора)», который составил на иврите

духовный лидер константинопольской караимской общины Аґарон бен Йосэф ґа-Рофе (ок. 1260 – ок. 1320) (*Ha-Mivkhar 1835*); и совершенно неизученные библейские толкования на караимском языке (например, в ветхом списке со множеством утрат А 17 – крайне трудном для чтения, поскольку он написан очень мелким и неразборчивым почерком на листах небольшого формата).

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОТЕК И ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩ

БАН	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург), Научно-исследовательский отдел рукописей
БАНЛ	Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Вильнюс), Отдел рукописей
ИВР РАН	Институт восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург), Отдел рукописей
НБИ	Национальная библиотека Израиля (Иерусалим)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва):
НИОР	Научно-исследовательский отдел рукописей
ЦВЛ	Центр восточной литературы
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ И АУТЕНТИЧНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

СЛАВЯНСКИЕ

- Арханг.Д.17*: БАН, Архангельское собрание, № Д.17 (шифр старого места хранения: рукопись Антониево-Сийского монастыря, № 179). Пятикнижие, 4°, кон. XV – нач. XVI вв.; описание: [Михайлов 1912: xx–xiv].
- БАН 17.16.33*: БАН, № 17.16.33. Пятикнижие, 4°, 1490-е гг.
- БАН 45.13.4*: БАН, № 45.13.4. Хронографический сборник, 1°, посл. четв. XVI в.
- Барс.2*: ГИМ, Собрание Е. В. Барсова, № 2. Библейский сборник, 1°, кон. XV в.
- Вил.51*: БАНЛ, F19–51. Пятикнижие, 1°, 1514 г. (писано в Вильне митрополитом дьяком Федором); краткие описания: [Добрянский 1882: 63–64; Михайлов 1912, xxix–xxx].
- Вил.262*: БАНЛ, ф. F-19, № 262, Сборник, пер. четв. XVI в., из Супрасльского монастыря; описание: [Добрянский 1882: 441–447]; уточнённая датировка по: [Морозова 2008: 91]; монографическое описание и издание пяти библейских книг в: [Altbauer, Taube 1992].
- Волок.7*: ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 7: Неполное Пятикнижие (Бытие, Исход, Левит), 4°, пер. треть XVI в.; краткое описание: [Михайлов 1912: xxxiii–xxxiv]; электронная публикация рукописи в виде фотоконтий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>

- Волок.8*: НИОР РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8: Пятикнижие, 4°, 1494 г., писец Павел Васильев; краткое описание: [Михайлов 1912, xxx–xxxiii]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- Григ.1*: НИОР РГБ, ф. 87 (Собрание В. И. Григоровича), № 1, Охрид, 1523–1543 гг.: Восьмикнижие и Тетравасилион (среднеболгарский извод), 1°, писец Сисой; описания: [Викторов 1879: 3–4; Михайлов 1912: xxxvi–xxxix]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- Егор.648*: НИОР РГБ, ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова), № 648: Пятикнижие, 4°, нач. 1490-х гг.
- КБ 1/6*: РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 1/6: Пятикнижие, 1°, сер. XVI в.; краткое описание: [Михайлов 1912: xl–xli].
- КБ 2/7*: РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 2/7: Пятикнижие, 4°, кон. 1490-х гг.; краткое описание: [Михайлов 1912: xlii–xliii].
- КБ 3/8*: РНБ, Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 3/8: Пятикнижие, 4°, 1490-е гг.; краткое описание: [Михайлов 1912: xliii–xliv].
- МБ 1663*: Библия, сиречь книги Ветхого и Нового Завета, по языку славенску... Москва, 1663 [Цифровая фотокопия на сайте РГБ: <http://www.rsl.ru/>].
- МГАМИД 354*: РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 4, № 354: Пятикнижие, 4°, кон. XV в.; описание: [Жучкова et al. 2000: 48–50].
- МДА 12*: НИОР РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 12: Академический Хронограф (начинается Восьмикнижием), нач. XVI в.; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- НСРК F.15*: РНБ, Новое собрание рукописных книг, № F.15: Троицкий Хронограф (начинается Восьмикнижием), кон. XV – нач. XVI в.
- ОБ 1581*: Библия, сиречь книги Ветхого и Нового Завета, по языку славенску... [печатник Иван Федоров]. Острог, 1581 [НИОР РГБ: 002т/О-78].
- Погод.76*: РНБ, Собрание М. П. Погодина, № 76: Пятикнижие с прибавлениями, 8°, XVI в.; краткое описание: [Михайлов 1912: lxix–lxx].
- Рум.27*: НИОР РГБ, ф. 256 (Собрание графа Н. П. Румянцева), № 27: Пятикнижие, 4°, кон. XV – нач. XVI в.; первое описание: [Востоков 1842: 29–32]; уточнённая датировка и дополнения к описанию А. Х. Востокова: [Михайлов 1912: lxx–lxxii; Майкова et al. 1975–1977: 4].
- Рум.28*: НИОР РГБ, ф. 256 (Собрание графа Н. П. Румянцева), № 27: Сборник библейский (24 книги), 1°, втор. четв. XVI в.; первое описание: [Востоков 1842: 32–33]; уточнённая датировка и дополнения к описанию А. Х. Востокова: [Михайлов 1912: lxxii–lxxiv; Майкова et al. 1975–1977: 5].
- Син.915*: ГИМ, Синодальное собрание, № 915: Геннадиевская Библия, 1°, 1499 г.; описание: [Горский, Невоструев 1855: 1–164]; дополнения к описанию: [Михайлов 1912: xxxix–xl].

- Скор.Втор.1519*: Книги пятыи Моисеовы зовемьи от евреи Гельгадворим, по-греческии Девтерономос, по-латине Секунда Лекс, а по-русскии Вторыи Закон. Зуполне выложены доктором Франциском Скоринною с Полоцка. Прага, 1519 [Цифровая фотокопия на сайте РГБ: <http://www.rsl.ru/>].
- Тих.453*: НИОР РГБ, ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова), № 453: Пятикнижие с дополнительными статьями, 8°, пер. пол. XVI в.; описание: [Михайлов 1912: lxxxiii–lxxxvi]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- Тр.1*: НИОР РГБ, ф. 304.I (собр. Троице-Сергиевой Лавры, основное), № 1: Лаврское Пятикнижие, пергамен, 1°, кон. XIV или нач. XV в.; описания: [Михайлов 1912: xlvi–lxxii; Турилов 2002: 170–172]; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- Тр.44*: НИОР РГБ, ф. 304.I (собр. Троице-Сергиевой Лавры, основное), № 44: Пятикнижие с прибавлениями, 1°, кон. XV в.; электронная публикация рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://www.stsl.ru/manuscripts/>
- ЦГАДА 790*: РГАДА, ф. 188 (РС ЦГАДА), оп. 1, № 790: Пятикнижие, 4°, перв. четв. XVI в.; описание: [Беляков et al. 2005: 63–66].
- Q.I.1407*: РНБ, Основное собрание, № Q.I.1407: Пятикнижие, 4°, XVI в.

ЕВРЕЙСКИЕ

- Конст.1832*: *Seḇer Hamišah Humšey Torah bney miqra' [...]* šel bi-lešon yišma'el ba-Qūšṭandinah. 'Ōṭah-Qyô`u, 5593 (Книга Священного Писания Пятикнижие [...] на османском языке. Орта-Кёй, 1832) [Шифр неполного экземпляра, хранящегося в ЦВЛ РГБ (Лев, Числ и Втор, с. 325–725): ЗВ 8-23/67; полный экземпляр в собрании редких книг НБИ: R (4= 65 A 4145)].
- Мицк.1889*: *Hamišah Humšey Torah: məturgam li-lešon qedari li-bney miqra' [...]* Zəqaryah ben Miqa'el Miškewiṣ. Vilna', 5649 (Пятикнижие: перевод Библии на караимский («кедарский») язык [...] Захария Михайлович Мицкевич. Вильна, 5649) [= русские выходные данные на титульном листе: М. Мицкевич, Й. Роецкий. Хамиша Хумше Тора, т. е. Пятикнижие Ветхого Завета, переведенное на караимское наречие. Вильна, 1889; ЦВЛ РГБ: ЗВ 8-27/235; шифр НБИ: 22 A 3980].
- Тыр.1841*: *Sefer targum Torah bi-lešon taṭar [...]* Gozleve: be-beyt ha-deḇus šel [...] Mordeḳay ha-nagid ha-maškil ha-nadiḇ Ṭirišqan, 5601 (Перевод Торы на татарский язык [...] Гёзлеве [Евпатория]: в типографии мецената Мордехая Тырышкана, 5601 [1841]) [Неполный экземпляр (только первый том – Пятикнижие), без титульного листа и вводных разделов, в ЦВЛ РГБ: Гинц 2/1441; полный экземпляр, все четыре тома, доступны онлайн на сайте НБИ: <http://nli.org.il/>]
- Фирк.143*: Фрагмент Пятикнижия на старокипчакском языке, 4°, 1470–80-е гг.; описание: [Harkavy, Strack 1875: 167–168]; цифровая фотокопия микрофильма № F 67892 из собрания НБИ доступна онлайн на сайте НБИ: <http://nli.org.il/>.

- Фирк.144*: Пятикнижие на караимском языке, 4°, 1770–80-е гг.; описание: [Harkavy, Strack 1875: 168–169]; цифровая фотокопия микрофильма № F 67902 из собрания НБИ доступна онлайн на сайте НБИ: <http://nli.org.il/>.
- A 17*: ИВР РАН, № А 17: Комментарий на Библию на караимском языке, Троки, пер. пол. XIX в., 8°; описание: [Гинцбург 2003: 89, № 348]; «содержит перевод книг Исход, Первые и последние Пророки, Агиографы, Псалмы, Притчи, книги Иова и Песнь Песней», уточнённая датировка, [Медведева 1988: 97, 99].
- B 225*: ИВР РАН, № В 225: Бытие, Исход на караимском языке; описание: [Гинцбург 2003: 33, № 60].
- B 235*: ИВР РАН, № В 235: Пятикнижие на караимском языке, 4°, Крым, после 1812 г., переводчик Биньямин б. Моше Габбай, писец Аврагам б. Нахму Бабаджан; описание: [Гинцбург 2003: 33, № 56].
- B 323*: ИВР РАН, № В 323: Пятикнижие и Свитки на караимском языке, 4°, 1770–80-е гг., переводчик Симха Габбай б. Гиллель га-Закен, писец Давид б. Симха; описание: [Гинцбург 2003: 33, № 57].
- B 324*: ИВР РАН, № В 324: Пятикнижи и Свитки на караимском языке, 4°, до 1825 г., переводчик Давид Кофен; описание: [Гинцбург 2003: 33, № 58].
- B 476*: ИВР РАН, № В 476: Пятикнижие на караимском языке, 4°, 1770–80-е гг., переводчик Элия бен Моше, переписчик Йицхак; описание: [Гинцбург 2003: 32–33, № 55].
- B 492*: ИВР РАН, № В 492: Фрагменты Пятикнижия на караимском языке, 4°, после 1826 г.; описание: [Гинцбург 2003: 36, № 82].
- B 556*: ИВР РАН, № В 556: Псалмы, Притчи, Иов, Есфирь, Даниил, Ездра, Песнь Песней, Бытие и Исход на галицком (?) диалекте караимского языка, конволют, 4°, XVIII в.; упоминание: [Медведева 1988: 97] (рукопись из собрания И. Я. Нейман, с дарственной надписью: «На память пребывания в г. Галиче Илью [sic! – А. Г.] Яковлевичу Нейману от Ешвович Янины Львовны. 31 мая 1953 г.»).
- BSMS 288*: Bible Society's Library (Cambridge University Library, UK), MS BSMS 288, кон. XVIII в. (см. упоминание о рукописи: [Jankowski 2009: 506, 521, note 37]).
- C 137*: ИВР РАН, № С 137: Пятикнижие, Иисус Навин, Судьи на караимском языке, XIX в., 4°; описание: [Гинцбург 2003: 33, № 59] (С этой рукописью, переписанной Биньямином бен Мордехаем Пенбеком, работал ещё в Крыму В. А. Гордлевский – автор первой специальной статьи, посвящённой языку караимских переводов Библии [Гордлевский 1961]).
- H 170*: John Rylands Library (Manchester, UK), No. Gaster H 170: Пятикнижие и фрагмент Плача Иеремии на караимском языке, 4°, кон. XVIII – нач. XIX в. (фрагменты изданы вместе с описанием рукописи и словарём в: [Jankowski 1997]; см. цифровую фотокопию на сайте Манчестерского университета: <http://www.manchester.ac.uk/>).
- Ha-Mivkhar 1835*: *Sefer ha-mibḥar we-ṭob ha-miṣḥar: peruš 'al ha-Torah ləha-raḥ rabeynu Aharon ha-riṣon [...] ben Yosef ha-Roḥe'...* Gozlev (Книга отбора и хорошей торговли: толкование на Тору нашего великого учителя Азарона Первого [...] сына Йосефа га-Рофе... Гёзлев; = русские выходные данные на титульном листе: *Сефер гамивхар, т. е. Коментар на 5 книг Мойсеевых, сочинение главного караимского рабина Арона сына Иосифа Лекаря... Эвпатория, 1835*)

[Шифр хранения в НБИ: FI 9013; электронная фотокопия на сайте НБИ: <http://nli.org.il/>].

III-73: Варшава, частное собрание, № III-73: Пятикнижие со Свитками на тракайском диалекте караимского языка, 4^о, Кукизов (ныне с. Кукезов в Каменка-Бугском р-не Львовской обл. Украины), 1720 г., пиसेц Симха бен Хананиэль.

В ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКЕ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Annibal 1561: Historia delle due Sarmatie di Mattheo di Micheovo [...] tradotta per il signore Annibal Maggi bresciano. In Vinegia appresso Gabriel Goplito de'Ferrari, MDLXI [Цифровая фотокопия на сайте «Dolnośląska BibliotekaCyfrowa»: <http://www.dbc.wroc.pl/>].

Glaber 1535: Polskie wypisanie dwoiey krainy swiata [...] Z wypisania doctora Macieia Miechowity, dopiro wyložone [...] M. Andziey Glaber. Kraków, 1535 [Цифровая фотокопия на сайте «Dolnośląska BibliotekaCyfrowa»: <http://www.dbc.wroc.pl/>].

Von Eckh 1518: Traktat von baiden Sarmatien und andern anstossenden landen in Asia und Europa von sitten und gepräuchen der völker so darinnen wonen [переводчик: Johann Mair von Eckh]. Augspurg, 1518 [Цифровая фотокопия на сайте «Bibliotheca Augustana»: <https://www.hs-augsburg.de/~harsch/augustana.html>].

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Записки 2008, I–II: А. Л. Хорошкевич (ред.) – А. И. Малеин – А. В. Назаренко (пер.): *Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии.* Т. I–II. Москва: Памятники исторической мысли, 2008.

КБК 2010: Л. А. Мацих (ред.): *Классические библейские комментарии. Книга Бытия. Сборник переводов с древнееврейского, арамейского и средневекового иврита.* Москва: Олимп, 2010.

КБПМ 1900–1908, I–IV: А. В. Михайлов: *Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе (Приложение к книге «Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе»).* Вып. I (1900), Вып. II (1901), Вып. III (1903), Вып. IV (1908). Варшава: Типография Варшавского учебного округа.

МР 2012–2014: Р. Кипервассер (ред.) – Я. Синичкин – А. Членова (пер.): *Мидраш раба [Великий мидраш]. I. Берешит раба.* Москва: Книжники – Лехаим, 2012–2014.

Путешествие 1867: Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа, *Вестник Западной России*, 1867, Кн. 7, Т. I, с. 38–47.

Трактат 1936: С. А. Аннинский (введ., пер., коммент.): Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук, 1936.

СС: V. Drimba: *Codex Comanicus. Éd. diplomatique avec fac-similés.* Bucarest: Editura Enciclopedică, 2000.

LXX: A. Rahlfs (ed.): *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Duo volumina in uno.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979.

MT: *Biblia Hebraica Stuttgartensia. Editio quinta emendata.* Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997.

Nf: M. McNamara (ed.): *Targum Neofiti 1: Genesis* (= The Aramaic Bible, Vol. 1A). Collegeville, MN: Michael Glazier, 1992.

Onk: A. Sperber (ed.): *The Bible in Aramaic. Vol. I: The Pentateuch According to Targum Onqelos*. Leiden: Brill, 1959.

СЛОВАРИ

ГСБМ, 1–35: *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 1–35–. Мінск, 1982–2015–.

КРПС 1974: Н. А. Баскаков – А. Зайончковский – С. М. Шапшал (ред.): *Караимско-русско-польский словарь: 17400 слов*. Москва: Русский язык, 1974.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–30: *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–30–. Москва, 1975–2015–.

СУМ XVI–XVII ст., 1–16: *Словник української мови XVI – першої пол. XVII ст*. Вып. 1–16–. Львів, 1994–2013–.

ТРС 1977: А. Н. Баскаков et al.: *Турецко-русский словарь*. Москва: Русский язык, 1977.

ЭСТЯ, 1–7–: Э. В. Севортян (ред.): *Этимологический словарь тюркских языков*. [Т. 1–7–]. Москва: Наука – Языки русской культуры – Индрик, 1974–2003–.

ESJP XVII–XVIII w.: Wł. Gruszczyński (red.): *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN [удалённый ресурс; режим доступа: <http://sxvii.pl/>].

SJP, I–VIII: J. Karłowicz – A. Kryński – Wł. Niedźwiedzki: *Słownik języka polskiego*. Т. I–VIII. Warszawa, 1900–1927.

SK, 1–2: A. Mardkiewicz: *Słownictwo karaimskie. Karaimsko-polsko-niemiecki słownik = Westkaraimische Sprache. Karaimisch-polsch-deutsches Wörterbuch*. Z. 1. Łuck, 1933; *Karaj sez-bitigi = Słownik karaimski = Karaimisches Wörterbuch*. Z. 2. Łuck, 1935.

SP XVI w., I–XXXVI–: *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Т. I–XXXVI–. (Wrocław –) Warszawa, 1966–2012– [электронная версия со словарем ещё не вышедших томов: <http://spxvi.edu.pl/>].

SStp, I–XI: *Słownik staropolski*. Т. I–XI. Warszawa – Wrocław – Kraków: Polska Akademia Nauk, 1953–2002.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСЕЕВ, А. А. (1999): *Текстология славянской Библии*. С.-Петербург: Дмитрий Буланин; Köln – Weimar – Wien: Böhlau.

АЛЕКСЕЕВ, А. А. (2002): *Песнь песней в древней славяно-русской письменности*. С.-Петербург: Дмитрий Буланин.

АЛЕКСЕЕВ, А. А. (2014): Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи. Результаты и перспективы исследования. In: W. Moskovich – M. Chlenov – A. Torpusman (eds.): *The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World* (= *Jews and Slavs*, 24). Москва – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, с. 166–182.

АХИЕЗЕР, Г. (2010): Караимы польско-литовского государства до конца XVII в. In: А. Кулик (ред.): *История еврейского народа в России. От древности*

- до раннего Нового времени. Т. I. Москва – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, с. 282–320.
- БАННИКОВ, А. Г. – ЖИРНОВ, Л. В. – ЛЕБЕДЕВА, Л. С. – ФАНДЕЕВ, А. А. (1961): *Биология сайгака*. Москва: Сельхозиздат.
- БАННИКОВ, А. Г. – ФЛИНТ, В. Е. (1989): Отряд Парнокопытные (Artiodactyla). In: В. Е. Соколов (ред.): *Жизнь животных. Т. 7. Млекопитающие. 2-е изд., перераб.* Москва: Просвещение, с. 426–522.
- БЕЛОВА, О. В. (2001): *Славянский бестиарий. Словарь названий и символики*. Москва: Индрик.
- БЕЛЯКОВ, О. В. – ЖУЧКОВА, И. Л. – МОРОЗОВ, Б. Н. – МОШКОВА, Л. В. (2005): *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Т. I: Апостол – Кормчая*. Москва: Древлехранилище.
- ВИКТОРОВ, А. (1879): *Описание рукописей В. И. Григоровича*: Москва.
- ВИЛКУЛ, Т. Л. (2015): *Книга Исход: Древнеславянский полный (четый) текст по спискам XIV–XVI веков*. Москва: Квадрига.
- ВОСТОКОВ, А. Х. (1842): *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея*. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- ГАММАЛ, М. И. – КАПЛАНОВ, Р. М. (2010): Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы. In: *Рашид Мурадович Капланов: Труды. Интервью. Воспоминания*. Москва: Сэфер, с. 160–165.
- ГИНЦБУРГ, И. И. (2003): *Каталог еврейских рукописей СПбФ ИВ РАН = Catalog of Jewish Manuscripts in the Institute of Oriental Studies. Memorial Edition*. New York – Paris: Norman Ross Publishing Inc.
- ГОРДЛЕВСКИЙ, В. А. (1961): Лексика караимского перевода Библии (1928). In: *Idem: Избранные сочинения. Т. II: Язык и литература*. Москва: Изд-во восточной литературы, с. 155–159.
- ГОРСКИЙ, А., прот. (1860): О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту. *Прибавления к Творениям св. Отцев 19/1, 1860, с. 134–168 (1-я паг.)*.
- ГОРСКИЙ, А., прот. – НЕВОСТРУЕВ, К. И. (1855): *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. I: Священное Писание*. Москва: Синодальная типография.
- ГРИЩЕНКО, А. И. (2016): Следы раввинистической экзегезы на «Благословение Иакова сыновьям» (Быт 49) в апокрифических версиях Толковой Палеи и славяно-русском Пятикнижии, правленном по Масоретскому тексту. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii* 85, 2016, Seš. 3–4, с. 321–332.
- ГРИЩЕНКО, А. И. (2018a): Какие стурлаби украли Рахиль у Лавана? (Об источниках глосс славяно-русского Пятикнижия XV века). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2018, № 2 (в печати).
- ГРИЩЕНКО, А. И. (2018b): Еврейские названия месяцев в средневековой славяно-русской книжности: переводы с греческого и непосредственные заимствования из семитских источников. *Die Welt der Slaven* LXIII, 2018, № 2 (в печати).

- ДОБРЯНСКИЙ, Ф. (1882): *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских*. Вильна: Типография А. Г. Сыркина.
- ЖУЧКОВА, И. Л. – МОШКОВА, Л. В. – ТУРИЛОВ, А. А. (2000): *Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов*. Москва: Древлехранилище.
- МАЙКОВА, К. А. – ЩЕРБАЧЕВА, Н. А. (сост.) – НЕВОЛИН, Ю. А. – ПОПОВА, О. С. (опис. худож. украш.) (1975–1977): *Собрание Н. П. Румянцева. ф. 256. Т. 2. Дополнения и уточнения к описи А. Х. Востокова...* (машинопись, хранится в НИОР РГБ). Москва.
- МАРКОН, И. (1911): Моисей бен Яков бен Моисей. In: Л. Каценельсон – Д. Г. Гинцбург (ред.): *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем*. Т. XI. С.-Петербург: Общество научных еврейских изданий – Издательство Брокгауз-Ефрон, стлб. 213–215.
- МЕДВЕДЕВА, Л. Я. (1988): О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института востоковедения АН СССР. *Советская тюркология*, 1988, № 6, с. 89–102.
- МИХАЙЛОВ, А. В. (1912): *Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, I. Паримейный текст*. Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- МОРОЗОВА, Н. (2008): *Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: Каталог*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- МУСАЕВ, К. М. (1964): *Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология*. Москва: Наука.
- НУРИЕВА, Ф. (2016): Язык письменных памятников золотоордынского периода. In: *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, с. 502–515.
- ПИЧХАДЗЕ, А. А. (1996): Из истории четъего текста славянского Восьмикнижия. In: *Труды Отдела древнерусской литературы* 49. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996, с. 10–21.
- РЕБИ, Д. И. – АЧКИНАЗИ, Б. М. – АЧКИНАЗИ, И. В. (1997): Крымчакский язык. In: Э. Р. Тенишев (отв. ред.): *Языки мира: Тюркские языки*. Москва: Индрик, с. 309–319.
- СТЕПАНОВ, Н. В. (1962): <Выступление.> In: В. В. Виноградов – Н. И. Толстой (ред.): *IV Международный съезд славистов. Материалы и дискуссии. Т. II: Проблемы славянского языкознания*. Москва: Изд-во АН СССР, с. 150–151.
- ТЕМЧИН, С. Ю. (2006): Схария и Скорина: об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262). *Senoji lietuvių literatūra* 21, 2006, с. 289–316.
- ТЕМЧИН, С. Ю. (2011): Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.) и Виленский ветхозаветный свод. *Knjgotyra* 57, 2011, с. 86–99.
- ТЕМЧИН, С. Ю. (2012): Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника. In: J. Jaroslaviėnė et al. (red. kolegija): *Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai*. Vilnius: Petro ofsetas, с. 137–180.

- ТЕНИШЕВ, Э. Р. (1984): Соответствие $j \sim \zeta \sim \dot{z}$. In: Э. Р. Тенишев (отв. ред.): *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика*. Москва: Наука, с. 256–299.
- ТЕНИШЕВ, Э. Р. (1995): К изучению тюркских языков Крыма. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 54, 1995, № 1, с. 41–48.
- ТУРИЛОВ, А. А. (отв. ред.) (2002): *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская)*. Москва: Индрик.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2012): Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси). *Вопросы языкознания*, 2012, № 6, с. 93–122.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2013): Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход. *Вопросы языкознания*, 2013, № 6, с. 79–114.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2014): Из истории славянской Библии: славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси. *Вопросы языкознания*, 2014, № 5, с. 24–55.
- ALTBAUER, M. – TAUBE, M. (1992): *The Five Biblical Scrolls in a Sixteen-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262)*. Jerusalem: The Israel Acad. of Sciences and Humanities.
- VASCHER, W. (1913): Таргум [пер. с англ.]. In: Л. Каценельсон – Д. Г. Гинцбург (ред.): *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем*. Т. XIV. С.-Петербург: Общество научных еврейских изданий – Издательство Брокгауз-Ефрон, стлб. 748–758.
- VLÁHA, O. – DITTMAN, R. – KOMÁREK, K. – POLAKOVIČ, D. – ULIČNÁ, L. (2015): *Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země*. Praha: Academia.
- GRISHCHENKO, A. I. (2016): Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 61, 2016, Iss. 2, p. 253–273.
- JANKOWSKI, H. (1997): A Bible Translation into the Northern Crimean Dialect of Karaim. *Studia Orientalia* 28, 1997, p. 1–84.
- JANKOWSKI, H. (2009): Translations of the Bible into Karaim. *Religion Compass* 3, 2009, No. 4, p. 502–523.
- HARKAVY, A. – STRACK, H. L. (1875): *Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg*. Bd. 1. St. Petersburg: C. Ricker – Leipzig: J. C. Hinrichs.
- HARVIAINEN, T. (1992): The Karaites of Lithuania at the Present Time and Pronunciation Tradition of Hebrew among Them: A Preliminary Survey. In: A. Dotan (ed.): *The Proceedings of the Ninth Congress of the International Organization for Masoretic Studies – 1989 (= Masoretic Studies, No. 7)*. Missoula, MT: Scholars Press, p. 53–69.
- KOWALSKI, T. (1928): W sprawie zapożyczeń tureckich w języku polskim. In: *Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski*. Vol. II. Cracoviae: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, s. 347–353.
- NÉMETH, M. (2014): An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 1. The Torah. *Karaite Archives*, 2014, No. 2, p. 109–141.

- NÉMETH, M. (2015a): An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 2. The Book of Ruth. *Karaite Archives*, 2015, No. 3, p. 49–102.
- NÉMETH, M. (2015b): An Early North-Western Karaim Bible Translation from 1720. Part 3. A Contribution to the Question of the Stemma Codicum of the Eupatorian Print from 1841. *Karaite Archives*, 2015, No. 3, p. 103–118.
- NÉMETH, M. (2016): A Crimean Karaim Handwritten Translation of the Book of Ruth Dating from before 1687. *Türk Dilleri Araştırmaları*, 2016, Vol. 26, No. 2 (= Festschrift für Henryk Jankowski), p. 161–226.
- OLACH, Z. (2013): *A Halich Karaim Translation of Hebrew Biblical Texts* (= *Turcologica*, 98). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- SHAPIRA, D. (2003a): *Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832). Paving the Way for Turkic Nationalism*. Ankara: KaraM.
- SHAPIRA, D. (2003b): The Turkic Languages and Literatures of the East European Karaites. In: M. Polliack (ed.): *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literature Sources*. Leiden, Boston: Brill, p. 657–707.
- SHAPIRA, D. (2013): The Karaim Translation of the Book of Nehemia Copied in the 17th Century's Crimea and Printed in 1840/1841 at Gözleve, on the Copyist of the Manuscript, and Some Related Issues. *Karaite Archives*, 2013, No. 1, p. 133–198.
- SHAPIRA, D. (2014): A New Karaite-Turkish Manuscript from Germany: New Light on Genre and Language in Karaite and Rabbanite Turkic Bible Translations in the Crimea, Constantinople and Elsewhere. *Karaite Archives*, 2014, No. 2, p. 143–176.
- TEMCHIN, S. Y. (2014): Learning Hebrew in the Grand Duchy of Lithuania: An Evidence from a 16th-Century Cyrillic Manuscript. In: W. Moskovich – M. Chlenov – A. Torpusman (eds.): *The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World* (= *Jews and Slavs*, 24). Москва – Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, p. 261–281.
- THOMSON, Fr. J. (1998): The Slavonic Translation of the Old Testament. In: J. Krašovec (ed.), *Interpretation of the Bible*. Ljubliana: Sloven. akad. znanosti in umetnosti – Sheffield: Sheffield acad. press, p. 605–920.
- TIROSH-BECKER, O. (2003): The Use of Rabbinic Sources in Karaite Writings. In: M. Polliack (ed.): *Karaite Judaism. A Guide to Its History and Literature Sources*. Leiden – Boston: Brill, p. 319–338.

Профиль автора

Александр Игоревич Грищенко (Alexander I. Grishchenko), канд. филол. наук
Специалист по языковым и литературным контактам славян и евреев
в средневековой Slavia Orthodoxa, а также в области славянской ономастики
и этимологии и тюркским заимствованиям в русском языке.

Московский педагогический государственный университет (Moscow State
University of Education), доцент кафедры русского языка Института филологии
119991 Россия

Москва

ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

<http://mpgu.pf/>

Институт славяноведения РАН (Institute for the Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences), старший научный сотрудник Отдела типологии
и сравнительного языкознания

119991 Россия

Москва

Ленинский проспект, д. 32А

<http://inslav.ru/>

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (St. Tikhon's
Orthodox University), доцент кафедры современного русского языка филологи-
ческого факультета

109651 Россия

Москва

ул. Иловайская, д. 9, стр. 2

<http://pstgu.ru/>

a.i.grishchenko@mpgu.edu

ОЛЕГ ДЕМЕНЧУК

Україна, Рівне

ДИНАМІКА РОЗВИТКУ СЕМАНТИЧНОЇ ПАРАДИГМИ ІРРАЦІОНАЛЬНОЇ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ ТА ПОЛЬСЬКОЇ МОВ)

ABSTRACT:

Dynamics of irrational vocabulary semantic paradigm development (based on the Ukrainian and Polish languages)

The article deals with the models of semantic derivation of irrational vocabulary – a semantic class of words that denote the human state, developing on no rational basis, grounding in no demands of reason, logic, opinion etc. The focus is made on the ways the semantic paradigms of adjectival and verbal irrational vocabularies develop in the Ukrainian and Polish languages.

KEY WORDS:

Irrational vocabulary – dynamic – semantic paradigm – model – strategy – semantic derivation – participant – concept of situation – derivational relations – contrastive analysis.

Вступ

Стан розроблення проблем, пов'язаних із моделюванням семантики в сучасному мовознавстві, засвідчує виразну тенденцію до витлумачення змісту мовної одиниці в перспективі когнітивно-функціонального (такого, що обстоює ідею функціональної та когнітивної зумовленості мовного значення) підходу. Такий підхід декларує необхідність і доцільність моделювання змісту мовної одиниці за зразком концепту ситуації, який відтворює динаміку концептуалізації світу дискурсу

(певної ситуації або її фрагмента) в аспекті різних варіантів пізнання світу людиною. Динаміка концептуалізації світу дискурсу передбачає схематизацію реального або уявного світу, при якій одні фрагменти цього світу акцентуються, актуалізуються, потрапляють у фокус уваги, а інші, навпаки, затемнюються, покидають фокус уваги, набуваючи статусу фонових елементів [Яковлева 1996: 48; Падучева 2004: 157].

Семантична деривація є одним із аспектів, який виявляє динамічний потенціал семантики лексичної одиниці, розкриває механізми і стратегії розширення концепту ситуації – лексичного відображення (у певній мові) певного фрагмента дійсності [Мельчук 1999: 85]. Як теоретичний конструкт (модель) семантична деривація покликана відобразити специфіку природи людського знання, закономірності пізнавальної діяльності людини, особливості її мисленневих стратегій. Когнітивний складник визнається ключовим параметром семантичної деривації лексики, оскільки, як уважають, фіксує «стійкі асоціації, пов'язані з уявленням про явище, яке позначає слово» [Шмелев 2006: 193].

Обґрунтування когнітивних (у широкому сенсі) стратегій людини передбачає залучення до аналізу тих сегментів словникового складу мови, які покликані розкрити природу універсальних «когнітивних категорій» [Jackendoff 1986], з-поміж яких **ірраціональна лексика** – семантичний клас слів, які позначають ситуацію, що виникає не на раціональній основі, ґрунтується не на вимогах розуму, логіки, суджень і т. ін., пор.: укр. *незбагненний, інтуїція, осяяння*; пол. *objawienie, olśnienie, wyczuwać* тощо. Сюди ж належать фразеологічні одиниці типу укр. *вчувати серцем, відчутти нюхом, нутром чути, розуміти серцем, шосте чуття*; пол. *coś przyszło komuś na myśl, intuicja podszepnęła komuś coś, mieć czuja, na rybkę, na wyczucie, po omacku, robić coś na nosa, szósty zmysł* тощо.

Актуальність обраної теми зумовлена загальним антропоцентричним спрямуванням сучасних семантичних теорій, тенденцією до поглибленого вивчення динаміки лексико-семантичних систем споріднених та неспоріднених мов, що пов'язано з усвідомленням і визнанням факту функціональної та когнітивної природи мови.

Ірраціональна лексика була об'єктом лексикографічних досліджень, які ставили за мету описати семантику дієслів ірраціонального розуміння на основі принципів інтегральності та системності (ситуації виникнення розуміння, не зумовленого ані чуттєвим сприйняттям, ані логічним судженням) [Иомдин 1999: 71], зіставних досліджень, які визначали метафоричні моделі дієслів розуміння в близько- та віддаленоспоріднених мовах (типові ситуації розуміння та відповідні

їм метафори) [Басиров 2013: 3]. Предметом аналізу таких досліджень були метафоричні вживання лексики, які виявляли зв'язок ситуації «ірраціонального розуміння» із ситуаціями руху, сприйняття, фізичного контакту тощо.

При цьому небезпідставним є твердження про те, що ірраціональна лексика може реалізувати власний дериваційний потенціал, виявляючи ознаки розширення концепту ситуації в ієрархії внутрішніх (психічних) та зовнішніх (ціннісних) систем людини. Вивчення дериваційного потенціалу ірраціональної лексики доцільно розробляти на матеріалі декількох мов, оскільки регулярні типи переходу від одного значення до іншого можуть виявлятися в багатьох (якщо не у всіх) мовах світу, попри їх генетичну та культурну відмінність [Вежбицкая 1996].

Мета розвідки – схарактеризувати моделі семантичної деривації прикметникової та дієслівної ірраціональної лексики (на матеріалі української та польської мов) та з'ясувати особливості динаміки розвитку семантичної парадигми названого класу слів в обраних мовах.

Мета дослідження зумовлює необхідність розв'язання таких завдань: визначити та описати модель прототипної ситуації ірраціональної лексики обраних мов на основі наявних спільних семантичних компонентів; обґрунтувати доцільність використання номінацій певного класу слів для аналізу динаміки семантичного розвитку ірраціональної лексики; схарактеризувати моделі семантичної деривації та з'ясувати стратегії розвитку семантичної парадигми ірраціональної лексики; визначити перспективи подальших досліджень ірраціональної лексики.

Аналіз семантичної деривації ірраціональної лексики передбачає два етапи: конструювання моделі прототипної ситуації через набір спільних семантичних компонентів [Розина 2005: 117] та моделювання на основі цієї ситуації стратегій семантичної деривації названого класу лексики в обраних мовах. Адже модель прототипної ситуації «не лише постачає семантичний матеріал для похідних значень, а й забезпечує їх зв'язок і, тим самим, єдність багатозначного слова» [Кустова 2004: 40].

1. Модель прототипної ситуації ірраціональної лексики

Семантика ірраціональної лексики обраних мов моделює прототипну ситуацію (ірраціональний стан) через набір таких спільних компонентів:

а) ситуація осмислюється як раптовий, подекуди непередбачуваний акт свідомості, зумовлений чинником неконтрольованої зміни ментального стану суб'єкта когніції. Діагностичним параметром реалізації такої ролі є безособові конструкції, які засвідчують пацієнсоподібну поведінку суб'єкта, пор.: укр. *Та тільки тепер Максима зненацька ося-*

яло, що він бачив наївну, але загалом правильну принципову схему машини часу [Корпус текстів української мови]; пол. *Olśniło go, że po prostu wszystko tu się przywidziało* [Корпус języka polskiego];

б) призвідником ірраціонального стану може бути власне об'єкт когніції (думка, здогад, ідея тощо), пор.: укр. *Ця думка осяяла його блискавично: справді, рушати в похід проти ромеїв можна було або підкоривши деревлян, або разом з ними у спілці, щоб їхній меч не зависав над Києвом* [Корпус текстів української мови]; пол. *Naraz pewna myśl olśniła Tomka. Przecież Smuga nie pozwoli uczynić tu krzywdy* [Корпус języka polskiego], або фоновий об'єкт – ситуативний учасник, що спричинюється до вияву такого стану (див. обґрунтування ідеї каузатора-стихії в [Иомдин 1999: 87]), пор.: пол. *Olśnienie wywołane i tekstami i świetną grą Kemble'a, Keana i innych* [Корпус języka polskiego];

в) ірраціональний стан виникає у контексті певної фонової (як правило, актуальної) для суб'єкта когніції ситуації, пор.: укр. *Тільки згодом, коли сидів за столом і розв'язував задачу, мене осяяла думка: Васько втріскався у Ніну!* [Корпус текстів української мови]; пол. *Katecheta od dawna wiedział, że tu mieszka Grodzicki, i w mgnieniu oka olśniła go myśl, że to Rojek zaniósł wówczas wiadomość o konferencji* [Корпус języka polskiego];

г) виникненню ірраціонального стану може передувати мисленнева діяльність, реалізована у коротко-, пор.: пол. *Patrzył na nią przez chwilę. Potem przyszło olśnienie* [Корпус języka polskiego], або довготривалому, пор.: укр. *Довго думав Афанасій, поки його не осяяла проста і в той же час геніальна думка – горілка!* [Корпус текстів української мови]; пол. *Wymyślił to wiele dni temu, olśnienie przyszło nagle, podczas poobiedniej drzemki* [Корпус języka polskiego], часовому інтервалі;

г) ірраціональний стан може бути результатом як індивідуального, так і колективного акту свідомості, пор.: укр. *Всіх разом осяяла одна думка* [Словник української мови V: 795]; пол. *Nagle olśniła go nowa myśl* [Корпус języka polskiego];

д) ірраціональний стан виявляє певний ступінь евіденціальності (ступінь істинності, впевненості мовця у достовірності інформації, що повідомляється), пор.: укр. *І тільки невеличкі фрагменти з цієї книги залишилися в паперах Муси, і ці фрагменти свідчать про надзвичайно високі осяяння гяурського мудреця* [Корпус текстів української мови]; пол. *Mock czuł, że zbliża się długo oczekiwana chwila olśnienia. Nagle Alicja doznała prawdziwego olśnienia: a więc o to tu chodzi!* [Корпус języka polskiego];

е) ірраціональний стан може бути ідентифікований у певний спосіб (ідентифікаційними ознаками можуть слугувати різного виду ірраціональні прояви: ментальні, поведінкові, емоційні тощо), пор.: укр. *Все ж спогад розчулив його – так розчулюють згадки про безрозсудні вчинки юнацтва: ніколи в житті не повторив би їх, лаєш нинішнє покоління за нерозважливість, та в глибині душі вважаєш тепер себе гіршим, ніж був тоді, і шкодуєш, що молодість минула безповоротно* [Корпус текстів української мови]; пол. *Czyny określone jako chuligańskie popełniane są z zasady pod wpływem alkoholu, są one bardzo często irracjonalne, nie mają konkretnej motywacji psychicznej* [Słownik języka polskiego].

Для аналізу стратегій семантичної деривації ірраціональної лексики скористаємося номінаціями, які належать до семіологічних підкласів дієслівних та прикметникових лексем. Названі підкласи лексем мають спільну властивість – утворювати сентенційні (предикатно-актантні) структури шляхом поєднання з певною кількістю залежних іменникових компонентів. Пор.: «Межі лексико-семантичного варіювання прикметників непомірно широкі і проводяться лише лексичним змістом слів, що сполучаються з ним у мінімальній синтагмі» [Уфимцева 2004: 149]. «Значення дієслівних лексем являє собою складний феномен, детермінований: 1) категоріальною семантикою сполучуваних із дієсловом предметних імен; 2) типом смислових відношень між дією, її суб'єктом і об'єктом, а відповідно типом моделей “суб'єкт – дія”, “дія – об'єкт”, “суб'єкт – дія – об'єкт”» [там же: 119].

З цього погляду стратегії семантичної деривації дієслівної та прикметникової ірраціональної лексики розглядатимуться як стратегії ситуативного типу, реалізовані в аспекті змін характеристик учасників ситуації: рольових, референційних, прагматичних тощо. Зміна характеристик учасників ситуації визначає тип дериваційного відношення: зміщення центру уваги з одного учасника на іншого – за рахунок діатетичного зсуву, який підвищує у ранзі одного та понижує іншого (конверсивне дериваційне відношення); зміна складу, типу або референційного статусу учасника ситуації (актантне дериваційне відношення); зв'язок ситуацій або фрагментів однієї й тієї ж ситуації (імплікативне дериваційне відношення); таксономічна специфікація учасника ситуації на основі зміни його онтологічного статусу (категоріальне дериваційне відношення), див. [Деменчук 2014: 262].

2. Стратегії семантичної деривації прикметникової ірраціональної лексики

Прикметникові номінації позначають властивості ірраціонального стану людини (рідше тварини): укр. *ірраціональний, безрозсудний, незбагнений, нерациональний, нерозсудливий*; пол. *irracjonalny, nieracjonalny* і т. ін. Зазначимо, що такі номінації відображають не сам ірраціональний стан, а ті актуальні та / або потенційні характеристики, які ідентифікують вияв ірраціонального стану, пор.: укр. *ірраціональний* «якого не можна збагнути розумом»: *Я відчував себе персонажем якогось нісенітного роману, в якому діють лише люди з ірраціональною психікою* [Словник української мови IV: 48]; пол. *irracjonalny* «pozbawiony pierwiastków racjonalnych, niedający się racjonalnie uzasadnić»: *Filozofia kobiet jest przeważnie pesymistyczna, przeładowana elementami irracjonalnego fatalizmu* [Słownik języka polskiego].

Аналіз лексичної сполучуваності прикметникових номінацій дає підстави стверджувати, що концептуальне поле ірраціональності в обраних мовах може розширюватися до меж: когнітивного (мисленнєвого), пор.: укр. *ірраціональні ідеї, образ, мислення*; пол. *irracjonalne myśli, świadomość, pomysły*; експерієнціального, пор.: укр. *ірраціональне світовідчуження, світогляд*; пол. *irracjonalna wizja*; поведінкового, пор.: укр. *ірраціональна бравура, одчайдушність; нерозсудливий вчинок, крок, поведінка*; пол. *irracjonalne działania, czyny, zachowania, postępowania; nieracjonalny akt, decyzja, odżywianie się; psychоемоційного, пор.: укр. ірраціональний страх, емоції, ненависть; безрозсудна злоба*; пол. *irracjonalny lęk, obawa, złość; nieracjonalny strach*; екзистенціального, пор.: укр. *ірраціональна смерть, космос; безрозсудна стихія*, пол. *irracjonalny świat, żywioł*.

Прикметникові номінації, як можна зауважити, профілюють у концепті ситуації ІРРАЦІОНАЛЬНИЙ СТАН сегментну зону «ірраціональних проявів». Кожен із сегментів кодує інформацію про певний спосіб концептуалізації ірраціонального стану, осмисленого в системі ціннісних пріоритетів суб'єкта спостереження (спостерігача). Спостерігач ідентифікує (оцінює) ситуацію ірраціонального стану на основі інформації про ірраціональні вияви об'єкта спостереження. Такі вияви кваліфікуються ірраціональними, оскільки об'єкт спостереження виявляє певне відхилення від раціонально зумовленої норми, якої дотримується спостерігач. З цього погляду ситуація «ірраціональний стан» засвідчує невідповідність (необґрунтованість) поведінки об'єкта спостереження змістові умовиводу спостерігача. Варто, однак, зазначи-

ти, що йдеться не лише про ірраціональну поведінку об'єкта спостереження (його дії, вчинки і т. ін.), а й про супутні прояви, на підставі яких спостерігач оцінює (уточнює) ірраціональний стан справ. Такі прояви осмислюються як суміжні характеристики ірраціонального стану і стосовно вихідної ситуації (ірраціональний стан) засвідчують результат, реалізований в аспекті певного типу дериваційного відношення.

Однією зі стратегій семантичного розвитку ірраціональних прикметників є імплікативне дериваційне відношення: **іраціональний стан** → **результативний стан**, пор.: укр. *нерозумний 1* «розумово обмежений, тупий»: *Храми теж почали занепадати, й найдужче бунтували проти нерозумного фараона численні храмові служки та жерці* → *нерозумний 2* «позбавлений розумного змісту»: *Валентиніан пошкодував за свій нерозумний учинок: імперія доживала останні дні, вже ніхто й не сподівався, що так звані гуни відмовляться йти на беззахисний Рим* [Корпус текстів української мови]; пол. *nierozsądny 1* «nie mający rozsądku, nierozważny, lekkomyślny»: *Strzeżcie się wód nie znanych. Rokrocznie pozbawiają one życia setki nierozsądnych śmiaków* → *nierozsądny 2* «niezgodny z rozsądkiem, świadczący o braku rozsądku»: *Ojciec, oficjalista sądowy, przez dwadzieścia pięć lat oddawał się upartym a nierozsądny marzeniom o awansach i podwyżkach pensji* [Słownik języka polskiego]. Семантичне розширення в цьому випадку реалізується на основі зміни таксономічного класу учасника ситуації за суміжністю: ЛЮДИНА → ВЧИНОК (ЛЮДИНИ). Результативний стан засвідчує невідповідність схеми поведінки об'єкта спостереження змістові умовиводу спостерігача на основі залучення певної фонової інформації. Показником такої ситуації часто буває пропозиціональний актант, який реалізує семантичну роль Склад ситуації – змінну, яка описує, «що, власне, відбувається в ситуації» [Филипенко 2003: 37], пор.: укр. *Певно, саме ця обставина й штовхнула доктора Гешке на нерозсудливий крок: забувши поради колег не встрявати в чужі справи, він погнався за мерзотниками, щоб всипати їм як слід* [Корпус текстів української мови]; пол. *Sss... – zasyczeli przyjaciele Niebylejakiego, uciszając jego nierozsądny wyskok na temat rozsądnych budżetów* [Korpus języka polskiego].

Відсутність фонової інформації зумовлює інференцію необґрунтованості вияву об'єкта спостереження в системі умовиводу спостерігача, пор.: укр. *незрозумілий 1* «якого не можна зрозуміти, осмислити»: *Жабі не спала й читала польську газету. Власне, не читала, бо читати вона не вміла, а намагалася розібрати слова й літери незрозумілої для неї мови* → *незрозумілий 2* «для якого нема причин, підстав; безпідставний»: *Прокидаюсь в незрозумілій тривозі і сідаю на ліжку*

[Словник української мови V: 323]; пол. *niezrozumiały 1 «taki, którego nie można zrozumieć, trudny do zrozumienia; niejasny, niewyraźny»*: *Matka siedziała jak na tureckim kazaniu, zdziwiona i zachwycona, gdy Adam mówił tajemniczym, niezrozumiałym dla niej językiem* → *niezrozumiały 2 «niedający się wytłumaczyć; nieuzasadniony»*: *Ogarnął go niezrozumiały niepokój* [Słownik języka polskiego]. Основною стратегією семантичного розвитку в цьому випадку є актантне дериваційне відношення: **іраціональний стан** → **каузативний стан**. Семантичне розширення засвідчує зсув фокуса уваги з учасника на ситуацію причини його виникнення. Однак, якщо вихідна ситуація вказує на неспроможність раціональної ідентифікації учасника (його змісту): *незрозуміла мова* – незрозумілою є сама мова (її зміст, форма, наповнення тощо), то цільова ситуація акцентує увагу на необґрунтованості такої ідентифікації: *незрозуміла тривога* – незрозумілою є не сама тривога (її зміст), а причина її виникнення. Такий стан справ узгоджується з положенням про зумовленість перебудови семантичної мережі лексичного значення чинником зміни актантної структури предиката [Урысон 1998: 239]. У нашому випадку предикат (*не*) *зрозуміти* на позначення ситуації іраціонального стану реалізує актантну позицію учасника з семантичною роллю Зміст, пор.: *Я не зрозумів цей фільм* ≈ ‘я не сприйняв розумом ідею, зміст, значення цього фільму’. Натомість для характеристики ситуації каузативного стану предикат заповнює актантну позицію учасником Склад ситуації, пор.: *Я не зрозумів її страх* ≈ ‘я не сприйняв розумом причину вияву її страху (чому вона виявила страх)’. Семантичним містком, який забезпечує реалізацію актантного дериваційного відношення, слугує компонент за ознакою ‘який не в змозі сприйняти розумом певний об’єкт’. Однак якщо в ситуації іраціонального стану це предметні об’єкти, то в каузативній – пропозиціональні.

Подібну стратегію реалізують українські ад’єктиви ментального осяяння, щоправда в аспекті зміни референційного статусу учасника, пор.: укр. *інтуїтивний 2* «зумовлений інтуїцією»: *Він мимохіть поклав руку на свій автомат, як перед близькою небезпекою. Краєм ока Воронцов помітив цей інтуїтивний солдатський жест* [Словник української мови IV: 41]. Семантичний зв’язок вихідної та цільової ситуацій забезпечує компонент за ознакою ‘реалізований на основі інтуїції (про учасника)’. Однак якщо у вихідному значенні такий учасник виявляє ознаки певного продукту: ментального (*інтуїтивний здогад, знання*), матеріального або духовного (*інтуїтивна творчість*), то в цільовому – вчинку-реакції (*інтуїтивний жест, погляд* і т. ін.).

Ідея ментальної неосяжності пізнаваного об'єкта (трансцендентний стан) породжує імплікацію перевищення, надмірності вияву цього об'єкта: 'неспроможний ментально осягнути об'єкт \supset об'єкт є неосяжним (за кількісними показниками або ступенем вияву)'. Основною стратегією семантичного розвитку в цьому випадку є імплікативне дериваційне відношення: **іраціональний стан** \rightarrow **трансгресивний стан** (*transgressive* «passing beyond some limit»), пор.: укр. *незбагненний 1* «якого не можна збагнути, зрозуміти, осягнути»: *З голови не виходив Василь. Якесь незбагненне передчуття спонукувало її сьогодні поспішати до нього \rightarrow незбагненний 2* «сильний, великий і т. ін. щодо свого вияву, прояву»: *Гігантська машина – незбагненна й парадоксальна* [Словник української мови V: 311]; пол. *nieogarniony 1* «niedający się w pełni zrozumieć, pojąć, przeniknąć; niedocieczony, niepojęty»: *Nieogarnione koleje ludzkiego losu \rightarrow nieogarniony 2* «niedający się zmierzyć, bardzo wielki, ogromny; niezmierny»: *Nieogarnione bogactwo* [Korpus języka polskiego].

3. Стратегії семантичної деривації дієслівної ірраціональної лексики

Дієслівні номінації характеризують ірраціональний стан людини за ознакою інтуїтивного споглядання (відображення дійсності в свідомості), пор.: укр. *відчувати* «сприймати інтуїцією, чуттям що-небудь; чуттям угадувати; здогадуватися», *віщувати* «інтуїтивно щось відчувати» [Словник української мови I: 662]; пол. *przezuwać* «instynktownie, intuicyjnie, podświadomie przewidywać przyszłe wypadki, zwykle złe, niekorzystne», *wyczuwać* «zdawać sobie z czegoś sprawę na podstawie intuicji, instynktu» [Słownik języka polskiego] тощо.

Однією зі стратегій семантичного розвитку ірраціональних дієслів є актантне дериваційне відношення: **іраціональний стан** \rightarrow **стан спостереження**, пор.: укр. *провіщувати* «інтуїтивно (звичайно серцем) відчувати, передбачати те, що має відбутися»: *Все чує вухо, пильно стежить око і серце теж події провіща \rightarrow провіщувати* «бути прикметою настання яких-небудь змін»: *В ці тривожні часи поява військового із спінним листом могла провіщати лише якісь важливі новини* [Словник української мови VIII: 138]; пол. *przepowiedzieć* «powiedzieć, przewidzieć co będzie w przyszłości na podstawie intuicji»: *Przepowiedzieć komuś przyszłe losy, sławę, upadek \rightarrow przepowiedzieć* «przen.»: *Ten jeszcze pożytek w ekonomii mają świszcze, że świsstem swoim deszcz i odmianę powietrza przepowiadają* [Słownik języka polskiego]. Дериваційне відношення засвідчує розширення концепту

ситуації в ієрархії внутрішніх систем людини: інтуїтивне осмислення → імовірнісне, реалізоване на основі припущення, осмислення. На рівні учасників ситуації таке розширення розвивається по лінії зміни рольової характеристики суб'єктного учасника ситуації – суб'єкт чуттєвого сприйняття (Експерієнцер) набуває статусу суб'єкта спостереження (Спостерігача). Семантичним містком реалізації дериваційного зв'язку слугує компонент за ознакою 'факти (відомості), на основі яких суб'єкт робить припущення про (майбутній) перебіг подій'. Різниця полягає в тому, що для Експерієнцера названі факти локалізуються в його внутрішньому світі, пор.: укр. *Ворон відчув, як у нього замлоло під «ложечкою» – так було завжди, коли передчуття віщувало цікаву роботу* [Корпус текстів української мови], а для Спостерігача – в його зовнішньому полі. На такий стан справ вказує зміна комунікативного рангу суб'єкта когніції – Експерієнцер переходить у позицію «за кадром», пор.: укр. *Із хмари місяць показався, і од землі туман піднявся, все віщувало добрий путь* [Словник української мови I: 693]. Подекуди суб'єкт може реалізувати функцію Фонового Спостерігача, пор.: пол. *Gdy ptaki o różnocy latają, mroźną zimę przepowiadają* [Корпус języka polskiego].

Перехід у зону спостереження змінює (зменшує) ступінь достовірності знань суб'єкта когніції про вияв (перебіг) певного стану справ, що породжує імплікацію його імовірнісної інтерпретації. Така інтерпретація, як правило, орієнтована на зміст певного (стереотипного або прецедентного) стану справ: поведінкового (схемного), пор.: укр. *Я сиділа на підвіконні, спостерігала за тим, як двоє горобців купаються в пилуці, провіщаючи зміну погоди на завтра* [Корпус текстів української мови]; пол. *Kogut często trafnie przepowiada zmianę pogody* [Słownik języka polskiego]; експресивного (кінесичного), пор.: укр. *Над двором вітарем звивався каламутний дим, раби вже білували чорну тушу, а похмурий погляд сина нічого доброго не провіщав* [Корпус текстів української мови], природного, пор.: укр. *Після зими з буйними хурделицями весна була рання й провіщала врожай* [Корпус текстів української мови], або певної метаситуації, пор.: пол. *Najkorzystniejsze są trzy karty: Słońce przepowiada pełną ciepłą przygodę miłosną, Gwiazda – świeży, przepiękny romans z nadzieją na przetrwanie, Świat – głęboką, prawdziwą miłość, taką na całe życie* [Корпус języka polskiego].

Іншим варіантом семантичного розвитку ірраціональних дієслів є імплікативне дериваційне відношення: **вияв ірраціонального стану** → **результат такого вияву**, пор.: укр. *угадувати* «доходити до певної думки на підставі суб'єктивних почуттів, інтуїтивно»: *Молода*

дівчина вгадала душею, як вгадують малі діти, що Василь каже правду, й злякалась → угадувати «розгадувати щось загадкове, таємниче, незрозуміле для інших»: *По тому коржі, що плавав поверх води у мисці, угадувала знахарка, від чого те лихо приключилося* [Словник української мови X: 371]; пол. *wyczuwać* «zdawać sobie z czegoś sprawę na podstawie intuicji»: *Wyczuwać niebezpieczeństwo* → *wyczuwać* «domyślać się czyichś zamiarów, rozpoznawać czyjeś uczucia, rozumieć intuicyjnie czyjeś intencje, motywy postępowania»: *Od razu go wyczułem. Wiedziałem, że chce mnie oszukać* [Słownik języka polskiego]. Дериваційне відношення названого типу доцільно кваліфікувати як результативну метонімію (*end-point metonymy*), реалізовану на основі образ-схематичної трансформації «фокусування кінцевої точки» [Лакофф 2004: 568]. Розширення концепту ситуації в цьому випадку експлуатує сценарій інактивного (інтуїтивного) споглядання, яке розкриває прихований або відомий із попереднього досвіду зміст певного об'єкта, стану справ, пор.: укр. – *Про що ви говорите? Не доберу, – сказав Прохор, справді не вгадуючи потайних намірів тестя; Між музикантами шепотіння, розглядають гостей. Угадують між ними Кармелюка* [Корпус текстів української мови]; пол. *Istotna jest nie tyle realna wędrówka do egzotycznych krajów, ile duchowa postawa pozwalająca ciągle na nowo odkrywać i zwiedzać cudowne archipelagi, pozwalająca przeczuwać tajemne związki człowieka i świata* [Korpus języka polskiego], або передбачає (прогнозує) вияв певного стану справ, пор.: укр. *Данило угадував, що твердою рукою звідти, з ростово-суздальської сторони, почнуть руські землі збирати* [Словник української мови X: 371]. Дериваційне відношення засвідчує розширення концепту ситуації в ієрархії внутрішніх систем людини: інтуїтивне осмислення → інферентне, реалізоване на основі умовиводу, осмислення. На рівні учасників ситуації результат такого розширення виявляє залучення (висунення на передній план) актанта, який реалізує смисл 'наслідок зміни «ірраціонального (інтуїтивного)» стану справ', пор.: укр. *Рибалки відгадують зміни погоди по чайках* [Словник української мови I: 568].

Семантичний розвиток ірраціональних дієслів виявляє зміни в аспекті онтологічного статусу учасника ситуації, реалізуючи категоріальне дериваційне відношення: **ірраціональний стан** → **псевдоірраціональний стан**, пор.: укр. *розуміти* «сприймати не розумом, а інтуїцією, чуттям»: *Ви не маєте своїх дітей і нікого з близьких не втратили на війні. Бо коли б ви розуміли все це душею, то не підписали б цього холодного листа* → *розуміти* «сприймати відчуттям, інстинктивно мову, бажання, накази людини (про твари-

ну)»: *Як не дивно, але армійські коні тягнули краще, ніж фермерські круторогі. Може тому, що коні, розуміючи мову бійців, напинались і відпочивали по єдиній команді* [Словник української мови VIII: 842].

Розширення концепту ситуації «іраціональний стан» у цьому випадку реалізується на основі аналогової інформації, яку суб'єкт спостереження приписує певному стану справ. Семантична деривація засвідчує перенесення на основі денотативної аналогії (денотативна тотожність фрагментів ситуації): у похідному значенні зберігається компонент вихідного значення «сприймати чуттям, відчуттям» (пор., «синкретичні» номінації укр. *нюхом відчувати* «підсвідомим чуттям дізнаватися, здогадуватися про що-небудь»: *Старий мисливець почув нюхом, що тут допіру пролізла гадюка* [Словник української мови V: 457]; *собачий нюх* «хтось має здатність легко схоплювати, підмічати, розуміти що-небудь приховане, таємне»: *Герцик увесь день зорить за мною. О, у нього собачий нюх* [Словник української мови XI: 431]; пол. *czuć* «przewidywać, przeczuwać coś instynktownie, podświadomie, domyślać się, spodziewać czegoś»: *Czuję, że nasza wycieczka na pewno się uda; Pies już z daleka czuje zbliżanie się pana* [Słownik języka polskiego]), проте змінюється таксономічний клас учасника ситуації ЛЮДИНА → ТВАРИНА та тип інструмента сприйняття – інтуїція (для людей) та інстинкт (для тварин). Однак якщо в людини такий інструмент заданий «локально», пор.: укр. *Тепер, коли минуле покрилося вже прозорчастим туманом, – тепер тільки всією душею розумієш, як чисто тоді все було, як гарно, як чесно* [Словник української мови VIII: 842]; *Серцем розуміла, що ці люди від душі бажать народу щастя* [Словник української мови IX: 141], то в тварин – здебільшого «тотально». З цього погляду семантичний перехід виглядає як реалізація моделі з інкорпорацією Інструмента, пор.: укр. *Вівчарка плавала швидше і, очевидно, добре розуміла накази, що передавалися їй* [Словник української мови VIII: 842]. Щоправда, інструмент «тваринного розуміння» може бути локалізований та відповідно екскорпорований в ситуації, якщо він осмислюється у певному просторово-часовому зрізі [Шатуновский 1996: 88], пор.: укр. *Дома не мав [Євдоким] із ким ні радитись, ні розмовляти, то найбільше говорив із своїми волами. Він і добирав таку скотину, що вона очима розуміла людське слово* [Словник української мови VIII: 842].

4. Висновки

Семантична деривація дієслівної та прикметникової ірраціональної лексики в українській та польській мовах виявляє ознаки похідності ситуативного типу, що передбачає розширення концепту ситуації в аспекті змін характеристик учасників ситуації. Динаміка розвитку семантичної парадигми названих класів лексики засвідчує регулярний характер таких змін, виявляючи розширення концепту ситуації «ірраціональний стан» до меж ситуацій як внутрішніх (реалізованих в ієрархії внутрішніх систем людини), так і зовнішніх (реалізованих в ієрархії ціннісних пріоритетів людини) стратегій.

Стратегії семантичної похідності прикметникової ірраціональної лексики обраних мов виявляють розширення концепту ситуації на основі моделей актантних та імплікативних дериваційних відношень. Актантні моделі відтворюють сценарій каузативної інтерпретації ситуації «ірраціональний стан»: семантичне розширення виявляє стратегії зсуву фокуса уваги з учасника на ситуацію причини його виникнення. Імплікативні моделі виявляють розширення концепту ситуації «ірраціональний стан» до меж ситуацій результативного та трансгресивного стану справ. Основу таких розширень визначають імплікації невідповідності або надмірності вияву ірраціонального об'єкта.

Дієслівна ірраціональна лексика виявляє розширення концепту ситуації на основі моделей актантних, імплікативних та категоріальних дериваційних відношень. Актантна модель відтворює сценарій імовірнісної (орієнтованої на зміст певного стереотипного або прецедентного стану справ) інтерпретації ситуації ірраціональний стан; імплікативна модель – сценарій інферентної (орієнтованої на прихований або відомий із попереднього досвіду зміст певного об'єкта, стану справ) інтерпретації; категоріальна модель – сценарій асоціативної (реалізованої на основі аналогової інформації про певний стан справ) інтерпретації.

Відтворення специфіки національно-мовної картини світу визначає доцільність подальших досліджень слів класу ірраціональної лексики в порівняльно-історичному та типологічному аспектах.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- БАСИРОВ, Ш. Р. (2013): Метафоричні моделі у сфері дієслів розуміння германських і слов'янських мов. Ін: *Одеський лінгвістичний вісник*, вип. 2, с. 3–9.
ВЕЖБИЦКАЯ, А. (1996): *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
ДЕМЕНЧУК, О. В. (2014): *Лінгвістика чуттєвого сприйняття: динамічні*

- моделі в семантиці перцептивної лексики української, польської та англійської мов.* Рівне: видавець О. Зень.
- ИОМДИН, Б. Л. (1999): Семантика глаголов иррационального понимания. In: *Вопросы языкознания*, № 4, с. 71–90.
- Корпус текстів української мови*, <http://www.mova.info/corpus.aspx>
- КУСТОВА, Г. И. (2004): *Типы производных значений и механизмы языкового расширения.* Москва: Языки славянской культуры.
- ЛАКОФФ, Дж. (2004): *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении.* Москва: Языки славянской культуры.
- МЕЛЬЧУК, И. А. (1999): *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст».* Москва: Языки русской культуры.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (2004): *Динамические модели в семантике лексики.* Москва: Языки славянской культуры.
- РОЗИНА, Р. И. (2005): *Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол.* Москва: Азбуковник.
- Словник української мови (1970–1980):* За ред. Г. К. Білодіда. Київ: Наукова думка.
- УРЫСОН, Е. В. (1998): «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы. In: *Семиотика и информатика. Москва: Языки русской культуры*, вып. 36, с. 226–261.
- УФИМЦЕВА, А. А. (2004): *Типы словесных знаков.* Москва: Едиториал УРСС.
- ФИЛИПЕНКО, М. В. (2003): *Семантика наречий и адвербиальных выражений.* Москва: Азбуковник.
- ШАТУНОВСКИЙ, И. Б. (1996): *Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика).* Москва: Языки русской культуры.
- ШМЕЛЕВ, Д. Н. (2006): *Проблемы семантического анализа лексики.* Москва: КомКнига.
- ЯКОВЛЕВА, Е. С. (1996): К описанию русской языковой картины мира. In: *Русский язык за рубежом*, № 1–3, с. 47–56.
- JACKENDOFF, R. (1986): *Semantics and cognition.* Cambridge, MA: The MIT Press
- Korpus języka polskiego*, <http://korpus.pwn.pl/>
- Słownik języka polskiego* (1997): Pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

ПРОФІЛЬ АВТОРА:

Деменчук Олег Володимирович, доктор філологічних наук, професор.
Наукові інтереси: зіставне мовознавство, когнітивна лінгвістика, функціональний синтаксис, лінгвістична семантика.
завідувач кафедри романо-германської філології
Рівненського державного гуманітарного університету
к. 313-а, вул. Пластова, 31
м. Рівне
33028 Україна
<http://www.rshu.edu.ua/>
oleh.demenchuk@gmail.com

RENÉ ANDREJS

Česká republika, Olomouc

NADĚŽDA MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ: OSUDY RUSKÉ EMIGRANTKY V ČESKOSLOVENSKU

ABSTRACT:

Naděžda Melniková-Papoušková: Life Journey of Russian emigrant in Czechoslovakia

The following article examines the life journey of Russian emigrant Naděžda Filaretovna Melniková-Papoušková, who spent the most of her life together with husband, Jaroslav Papoušek, in Czechoslovakia. According to various archival materials and correspondence found in Prague, Česká Lípa, and Olomouc archives, she represents very specific example of such group in terms of her attitude to Russian diaspora and Czech culture, since she became very actively involved in both culture and social life in Czechoslovakia. Her career is also associated with Palacký University where she was giving lessons on Russian literature and Czech folk art. In 60's and 70's she became a very significant promoter of art exhibitions and culture events.

KEY WORDS:

Culturology – Russian diaspora – Czechoslovak Legion – Czech literature – culture life – Palacký University – Czech-Russian relations – folk art – folklore

Osudy pedagožky, kulturoložky a významné organizátorky kulturního dění Naděždy Filaretovny Melnikové-Papouškové patří do dnešní doby spíše k těm méně známým. Na rozdíl od ostatních představitelů ruské emigrace v Československu, kterým se věnoval a věnuje velký počet nejen vědeckých publikací, zůstává její ať už pedagogické, nebo vědecké působení opomíjeno. Důvodem by mohl být především fakt, že není typickou reprezentantkou ruské předválečné emigrace. Rychlá asimilace a splynutí s českým kulturním prostředím jsou právě těmi aspekty, které Melnikovou-Papouškovou od

zmíněné skupiny odlišují. Do Prahy přišla na konci roku 1918 již jako manželka historika Jaroslava Papouška a ihned po příchodu se aktivně účastnila pražského kulturního života. Jedním z aspektů, které pomáhají lépe pochopit osudy Melnikové-Papouškové, je nejen její korespondence, ale také široká publikační činnost – články a publikace se zpočátku věnují bakuninské filozofii, literatuře symbolistů, později pak percepci Sovětského svazu, teatrologii, historii Prahy, lidovému umění a umělcům obecně.

Doposud nejpodrobněji se osudy Melnikové-Papouškové zabýval ruský historik E. F. Firsov, který ve své monografii *T. G. Masarik v Rossii i bor'ba za nezávislost čechov i slovakov (T. G. Macapuk в России и борьба за независимость чехов и словаков)* popisuje působení jejího muže v československých legiích v Rusku a jejich společné osudy po návratu do Československa. Osudům J. Papouška během jeho uvěznění v Butyrské věznici a také korespondenci s Naděždou Filaretovnou se pak věnuje stať *Ščastlivyj final butyrskoj love story čecha Jaroslava Papouška (Счастливыи финал бытырской love story чеха Ярослава Папоушека)*. Dalším, kdo se zasloužil o mapování života Naděždy Filaretovny, byl přední český myrmekolog Karel Samšiňák, se kterým spolupracovala na organizaci výstav na Šolcově statku v Sobotce. Samšiňákova pojednání jsou tak jedním z mála psaných svědectví o jejím životě a činnosti v 60. a 70. letech.

Stať si klade za cíl chronologicky přiblížit jednotlivé životní etapy Melnikové-Papouškové, a to jak na základě archivních materiálů z Památníku národního písemnictví a jejího osobního archivu v České Lípě, tak s pomocí výpovědí pamětníků Sylvy Benešové, dcery keramičky Hany Benešové, a Jana Samšiňáka, syna Karla Samšiňáka.

Naděžda Filaretovna Melniková se narodila 23. 11. 1891 v Petrohradě do rodiny strojního inženýra Filareta Melnikova (nar. 1870) a Niny Melnikovové (roz. Lomidzová, nar. 1871) [SOKA ČL 2/1]. Po absolvování serpuchovského gymnázia v r. 1910 se věnovala studiu ruské literatury a slovanských jazyků u prof. Ščepkina a prof. Veselovského v rámci Moskevských vyšších ženských kurzů. Vysokoškolský diplom dostává 20. 12. 1914 již se jménem Melniková-Kedrová, jelikož v té době již byla provdána za prvního muže Karla Kedra [SOKA ČL 14/1]. Během následujících let se seznamuje nejprve s majitelem moskevského knihkupectví „M. O. Volf“ R. Řivnáčem a později také s historikem, členem československých legií v Rusku a tajemníkem T. G. Masaryka Jaroslavem Papouškem, který v roce 1918 žil v domácnosti Naděždy Filaretovny [Firsov, 2003]. Za svou činnost v rámci knihkupectví byl Řivnác v témže roce uvězněn. Podobný osud později potkal také J. Papouška, který byl, podle dochované korespondence, vězněn od července do prosince 1918, kdy se Melniková-Kedrová Řivnác rozvádí s druhým

mužem R. Řivnáčem a ihned uzavírá sňatek s uvězněným J. Papouškem. Sovětské Rusko společně definitivně opouští koncem roku 1918 a za podpory T. G. Masaryka přijíždějí do Československa [Firsov, 2003]. Díky kontaktům J. Papouška se Naděžda Filaretovna zorientovala v českém prostředí velice rychle a již v zimním semestru 1918/19 je imatrikulována na Karlově univerzitě, kde studuje český jazyk, literaturu a historii [AUK National 1919].

Zvláštní kapitolou, která by si v budoucnu zasloužila podrobnější bádání, je její vztah k ruské emigraci po příchodu do Československa na konci roku 1918. Podle Firsova se manželé Papouškoví stali jedněmi z hlavních organizátorů v této oblasti [Firsov 2012: 199]. Svou roli zde sehrál mimo jiné ruský psaný týdeník *Centralnaja Evropa*, který vycházel pod vedením J. Papouška. Kromě toho publikovala Naděžda Filaretovna v té době několik statí o Československu v časopise *Volja Rossii*, kde například píše: „Чехословакия, особенно для русских, представляется приблизительно тем же, чем полвека тому назад для большинства европейцев была, например, Испания. Лежит она где-то в центре Европы, но точные географические данные о ней смутны и неопределенны; о населении и обычаях тоже мало что известно. [...] Но что говорить о московских обывателях, если и русские писатели случайно попавшие в Прагу пишут о ней всякие небылицы, вроде Безыменского с его поэмой «Пárки», а А. Толстой, судя по повести «Гадюка», полагает, что чехи говорят между собой по-немецки. Любопытно, что и среди эмигрантов, которые в Чехословакии жили и живут в довольно большом количестве, и среди русских, которые постоянно пребывают за границей по различнейшим паспортам, не нашлось людей, пожелавших рассеять это своеобразный туман, окутывающий Чехословакию в глазах их современников. Даже ученые и те как будто мало интересуются такими интересными вопросами, как например, чешско-русские отношения и влияния хотя бы начала 19-го столетия.“ [Firsov 2012: 275].

Ve svých článcích se snažila přibližovat život a kulturu tehdejšího Československa ruskému čtenáři, přičemž velký důraz kladla na kulturní rozdíly těchto dvou zemí.

Na druhou stranu se nám nepodařilo najít jakékoliv jiné archivní důkazy, které by odkazovaly k širším aktivitám ve spojení s ruskou diasporou. To je dáno především faktem, že Naděžda Filaretovna přišla do Prahy již jako občanka Československa a ihned po příchodu se seznámila s okruhem spisovatelů a intelektuálů okolo J. Weila. Ten se v té době aktivně podílel na přijetí Sovětské mise, jejíž členové byli přivítáni redakcí židovských novin *Tribuna*. V rámci mise do Prahy přijeli mimo jiné R. Jakobson a šéfredaktor charbinského deníku S. S. Gillerson. V rámci celé mise působil J. Weil jako

překladatel. V té době také navštěvoval kurzy ruského jazyka u Naděždy Filaretovny, se kterou konzultoval své překlady Cvetajevové, Remizova, Bloka a Majakovského [Vondráčková 2014: 12].

Je tedy patrné, že osobnost Melnikové-Papouškové zaujímala v kontextech pražské emigrace zvláštní pozici – na straně jedné se v duchu všeslovanské ideje, kterou sdílela s manželem, snažila propagovat a přibližovat ruskou kulturu, na straně druhé se po téměř úplné asimilaci přiklonila k české kulturní inteligenci. Firsov dokonce tvrdí, že „poté, co se nestala emigrantkou, ale spíše novopečenou českou občankou, která má blízko k vyšším patřům moci, se Melniková-Papoušková stále častěji jak v korespondenci, tak i článcích vyjadřuje poučně a ironicky ohledně ruské emigrace“ [Firsov 2012: 201].

Ve 20. letech se Melniková-Papoušková věnuje nejvíce tématům, která sama dříve studovala, tedy ruské literatuře. V r. 1920 vychází *Antologija ruskoy poezii* (*Антология русской поэзии*), ve které představuje české veřejnosti ne zcela známou tvorbu symbolistických básníků. Jak sama autorka píše v úvodní stati, antologie nabízí nové a neznámé básně, jež mají kvalitativně hodnotit teprve další generace [Melnikova-Papoušková 1920: 3–6]. Kromě uvedené antologie publikuje v r. 1920 *Studie z moderní ruské literatury*. Jedná se o soubor esejí mapujících vývoj ruské literatury počínaje Čechovem přes Andrejeva, Gorkého, Arcybaševa až po symbolistické autory. Příznačným elementem pro tvorbu Melnikové-Papouškové je všudypřítomný filozofický rámec; nesnaží se o historickou přesnost či chronologii, nýbrž o ideovou kompaktnost jednotlivých období a autorů. Ještě více esejisticky a filozoficky laděná jsou dvě další zamyšlení – *Střepiny: poznámky o ruské literatuře* (1921) a *Růženec: neliterární nálady* (1921). V prvním případě se opět jedná o kulturně-filozofické eseje na téma geneze ruské literatury a současných literárních tendencí v Rusku. Druhá kniha již úzce souvisí s předrevolučním životem Melnikové-Papouškové. Na několika málo stranách líčí esejistickou formou jednotlivé aspekty tehdejší doby při absenci jakýchkoliv reálií, toponym či časových údajů, což bylo mimochodem pro její memoárovou tvorbu příznačné. Kromě ruské literatury se věnuje také teatrologii, oboru, jehož znalosti později prohloubila na francouzské École du Louvre (1923–1925). Z tohoto období pochází útlá publikace věnovaná Moskevskému uměleckému divadlu (1921). V letech 1923, 1924 a 1927 podnikla cesty do Sovětského svazu. Z nich později vznikla velice cenná publikace *Rusko z blízka i z dálky* (1929). Jedná se o soubor krátkých esejí, jež se věnují především životu inteligence, umění a povaze provincie v Sovětském svazu. Pro sborník je velice příznačná snaha o apolitičnost a také umění nacházet v jednotlivých situacích paralely s příklady z ruské literární historie. Celkový záměr definuje autorka

již v samotném úvodu: „Pět let jsem neviděla Ruska, od roku 1918 do roku 1923, a když jsem tam přijela, nenašla jsem oněch hrůz, o kterých se psalo. Ale jak při prvním, tak i při dalších zájezdech v roce 1927 a 1929 viděla jsem věci horší, než je proslulá polévka z dětských prstíčků, která prošla evropskými novinami. Bez zbytečné skromnosti řečeno, znala jsem předválečné a předrevoluční Rusko dobře, mohla jsem srovnávat a rozeznávat, co pokročilo a co zůstalo pozadu, co je produktem revoluce a co vychází prostě z ducha ruského národa a nepřetržitě pracujícího času. [...] Ponechávajíc politiku informovanějším lidem, omezila jsem zorný úhel výhradně na obyčejný život a jen z části na kulturu. Jsem hluboce přesvědčena, že všechny sebrané mnou životní jevy mají alespoň historickou a etickou cenu. [...] Chtěla bych pomoci i v jiné věci, a to – uchránit před kydáním hany na celou zemi, na celý národ bez rozdílu. Stručně řečeno, bylo by pěkné pozvednout kousiček záclony před pravdou.“ [Melniková-Papoušková 1929: 3–4].

Svůj okruh prací, jež byly věnovány ruské kultuře, literatuře a životu v Sovětském svazu, uzavírá knihou *SSSR v satíře a humoru* (1933). Jedná se o překlady anekdot tentokrát s primárně politickým obsahem, kdy je otevřeně kritizován nejen celý politický aparát včetně hlavních představitelů, ale také diskrepance mezi realitou a slibovanou budoucností. Publikaci doprovází také předmluva, kde Melniková-Papoušková popisuje postavení politické satiry v Sovětském svazu, kterou srovnává se satirou československou. Zde vysvětluje také důležitou úlohu častušek, jakožto elementu, který kompenzuje absenci rozvinuté politické satiry [Melniková-Papoušková 1933: 2–9].

Ještě na začátku 30. let udržuje Naděžda Filaretovna kontakt s těmi představiteli ruské emigrace, kteří začali působit v jiných zemích. Jednalo se například o ruského etnografa, folkloristu a překladatele (mimočodem prvního autora překladu Haškových *Osudů dobrého vojáka Švejka za světové války*) Petra Bogatyřova, který v té době přednášel na univerzitě v Münsteru etnografii Podkarpátí [SOka ČL 59/7]. Dalším autorem byl Jevgenij Zamjatin, jehož vystoupení v Umělecké besedě v prosinci 1931 organizovala právě Naděžda Filaretovna. Toto setkání a jakési krátkodobé oživení ruské kultury v Praze komentuje Zamjatin v dopise z 5. 3. 1932:

„Дорогая Надежда Филаретовна, в Праге у Вас в этом году, можно сказать, русский сезон: после меня – Борис, которого Вы, кажется, чувствовали не хуже чем меня – je suis jaloux, но эту ревность ни как не отношу к Борису Дмитриевичу Григорьеву, которому я желаю в Праге больших успехов. Если от моего пребывания в Праге не осталось ни так много следов, то от Бориса Григорьева, наверное, останутся. Картины его в Пражском музее, в галерее Президента.“ [SOka ČL 59/21].

Zajímavý je v tomto ohledu také článek Naděždy Filaretovny publikovaný v *Rozpravách Aventina* (1932), kde poskytuje rozhovor se Zamjatinem na téma současné ruské a české literatury. Situaci s českou literaturou v Rusku komentuje Zamjatin slovy: „V posledních dvou letech bylo dosti těžké sledovat evropskou literaturu, protože originály docházely dosti nepravidelně, a překládá se málo a při tom věci druhořadé. Nejznámější jsou Američané a Němci, méně už Francouzi a docela málo Čechů. Z těch měl nejširší a nejhlučnější úspěch ‘Švejk’, který byl dvakrát zdramatizován a inscenován v Petrohradě Radlovem a v Moskvě v Realistickém divadle; obojí zpracování je samostatné. Menšímu, ale vážnějšímu okruhu je znám Karel Čapek, z jehož děl jsou přeloženy ‘Anglické listy’ pod názvem ‘O staré dobré Anglii’ a hra ‘R.U.R.’; s tou souvisí, pamatujete-li se, historie zpracování A. Tolstého, který neuvedl pramene a vydává hru za svou. V poslední době setkal jsem se několikrát se jménem J. Kopty. Přes to však, že se překládá málo cizinců, přece mají vliv na ruské spisovatele.“ [Rozpravy Aventina 1932/16: 126]. Kromě těchto publikovala Melniková-Papoušková rozhovory také s A. Tolstým, V. Ivanovem či A. Karavajeovou. Těmito příspěvky však symbolicky končí období trvající od jejího příchodu v r. 1918, které se z větší části věnovalo propagaci ruské literatury a kultury v tehdejší Československu. Soudě podle dostupného životopisu v osobním archivu Melnikové-Papouškové [SOKA ČL] je to dáno nejen odchodem S. S. Alexandrovského z postu zplnomocněného velvyslance SSSR v Československu, který udržoval kontakty s J. Papouškem a usiloval o aktivní kontakty se sovětskou kulturou, ale také angažovaností Melnikové-Papouškové v různých kulturních institucích jako např. Umělecká beseda, Kruh pro pěstování dějin umění nebo Syndikát československých spisovatelů.

Po r. 1939 se manželé Papouškovi společně s rodinným přítelem Václavem Königem, který od 20. let Naděždě Filaretovně pomáhal s úpravou jejích článků, účastní protifašistického nekomunistického odboje [Firsov, 2012]. Následně byli všichni tři v prosinci 1941 zatčeni a společně strávili několik měsíců ve věznici na Pankráci. Zatímco Naděžda Filaretovna byla v létě roku 1942 propuštěna, její manžel byl převezen nejdříve do Terezína, později Norimberku a následně do káznice v rakouském Subenu, kde 18. 1. 1945 zemřel na celkové vyčerpání. Bývalý redaktor Lidových novin Václav König byl popraven za velezradu v Mnichově 5. 9. 1944. Z četné korespondence Melnikové-Papouškové vyplývá, že se intenzivně s německým obhájcem snažila prodlužovat vyjednávání a dostat tak oba muže na svobodu. Všechny tyto osudy pak mapuje korespondence Melnikové-Papouškové s J. Zrzavým z období let 1944–45 [SOKA ČL 59/21], kdy postupně vzniklo mezi oběma silné přátelství: „Každou sobotu skutečně vzpomínám na krásné večery,

kteřé jsme spolu trávili. V souvislosti s tím Vás chci poprosit také o recept krupicové polévky, která tak výborně chutná. [...] Z věcí méně příjemných mohu sdělit, že datum procesu není ještě určeno. Ale konec už skutečně potřebuji, protože dopisy, které dostávám o obou jsou čím dál tím smutnější“ [SOka ČL, 16. 6. 1944]. V dalších dopisech pak popisuje situaci spojenou s problémy kvůli angažovanosti manžela: „Minulý týden vyšel v Pestrém světě můj článek k vašim fotografiím. Zastaví se, protože Vy jste na indexu a já jsem ‘hradní dáma’. [...] Vy stejně nevystavujete a já už nemám, kam bych psala.“ [SOka ČL, 16. 9. 1944]. Navzdory velice aktivní korespondenci se však ke konci války J. Zrzavý distancuje od přátelského vztahu s Naděždou Filaretovnou, což vysvětluje v následujícím dopise: „Jedna věc mě na Vašem dopise zarazila a poděsila a ač nerad, musím Vám o tom říci. Píšete, že zajímám první místo mezi 2–3 Vašimi přáteli – proboha Vás prosím, nevažte se na mne, nedoufejte, nezakládejte žádné naděje na mně, já jsem už sto a stoletý stařec, bez víry, naděje a zájmů, neschopný trvalého a závazného citu a přátelství – to všechno se mi už kolikrát vymstilo a já nejsem schopen začít znova.“ [LA PNP, 28. 3. 1945].

Podle svědectví Jana Samšíňáka, syna zakladatele Šolcova statku, se Melniková-Papoušková ihned po válce ujala péče o svého „adoptivního syna“ Rudolfa Klena, který se vrátil z koncentračního tábora bez rodiny. Klen později začal působit na lékařské fakultě v Hradci Králové, kde v r. 1952 založil první tkáňovou banku na evropském kontinentě [Plášilová 2001: 82].

Roku 1946 se jejím působištěm stává Olomouc. Tato etapa je spojena především se dvěma oblastmi – lektorskou činností na obnovené Univerzitě Palackého a působením v rámci organizace, jež měla za úkol studium lidové kultury. Koncem roku 1946 byla Melniková-Papoušková pověřena tehdejšími ministrem školství a osvěty J. Stránským, aby vedla přednášky o lidové kultuře a moravském národopisu na pedagogické fakultě. Zároveň dostává za úkol zřízení a později také vedení Ústavu pro lidovou kulturu a moravský národopis při pedagogické fakultě [AUPvO, 1] V rámci působení v tomto ústavu podnikala Melniková-Papoušková řadu vědecko-výzkumných cest za účelem sběru národopisného materiálu. Podle korespondence, kterou v té době vedla Melniková-Papoušková se Zemským národním výborem v Brně, se primárně jednalo o cesty do oblasti Moravského Slovácka (Vizovice) [AUPvO, 27]. Jako ředitelka nově zřízeného ústavu se v roce 1948 také aktivně věnovala přípravě nové instalace národopisného muzea ve Vyškově, kam pravidelně dojížděla a konzultovala zamýšlené expozice [AUPvO, 29]. Činnosti olomouckého ústavu se věnuje také rozhovor v deníku Osvobozený našinec ze dne 10. 5. 1947. V něm Melniková-Papoušková seznamuje veřejnost se samotnou činností a také budoucím posláním. Zdůrazňuje především snahu o práci

s živým lidovým uměním, jelikož pouze takové umění je, podle jejích slov, možné studovat a reflektovat věrohodně a pravdivě. Jako konkrétní zástupce nejzřetelnějších projevů lidového umění uvádí hračky, keramiku, oděvy a malby na skle, což jsou pro autorku stěžejní oblasti, kterým se věnovala v celé řadě odborných statí v pozdějších letech. V rozhovoru také zdůrazňuje snahu o otevřenost ústavu veřejnosti, která má nejen participovat na vybudování fondů, ale také poskytovat vlastní znalosti [Osvobozený našinec 1947: 68].

Olomoucké působení Melnikové-Papouškové bylo však primárně spojeno s pedagogickou fakultou. Podle dostupných přednáškových seznamů olomouckého univerzitního archivu z let 1947–1949 zde vedla nejprve v letním semestru 1946/1947 semináře věnované dějinám lidového umění (malířství), sběratelství a muzejnictví a také praktické estetiky. V dalším roce se v rámci výuky soustřeďuje na estetiku šatů, módy a krojů či lidové výtvarné umění (sochařství a řezbářství). V témže roce začíná Melniková-Papoušková vést praktické semináře četby ruské literatury a analýzy děl ruského symbolismu. Posledním obdobím působení Melnikové-Papouškové na půdě olomoucké univerzity je zimní semestr akademického roku 1948/1949, kdy vyučuje tvorbu A. P. Čechova (drobné povídky) a N. A. Někrasova (dílo a občanské poezie), dále pak praktikum z ruského jazyka a ruských dějin. Na pedagogické fakultě v té době vede také semináře o městském lidu 19. století a hmotné kultuře. Spolupráce Melnikové-Papouškové s univerzitou končí v roce 1949, kdy byla provedena rozsáhlá rekonstrukce celkové univerzitní struktury.

Kromě činnosti pedagogické a působení v rámci Ústavu pro lidovou kulturu a moravský národopis nejsou osudy Melnikové-Papouškové s Olomoucí nikterak hlouběji spjaty. Je to dáno nejen tím, že se přednášky konaly většinou jednou měsíčně a šlo tak spíše o lektorskou činnost v rámci hostování [AUPvO, 10], ale především také proto, že v letech 1946–1947 pracuje Melniková-Papoušková intenzivně na knihách *Lidové hračky* a *Československé lidové výtvarnictví*, jež byly obě vydány v roce 1948.

Městu samotnému a svému tamnímu působení však věnovala dvě zcela neznámé a unikátní publikace *Pohled z mého okna* (1947) a *Okouzlená Olomouc* (1949). V obou případech se jedná o soukromé tisky s nákladem 50 kusů, které byly doplněny o grafické listy pražského malíře F. V. Mokrého, na nichž jsou vyobrazena olomoucká zákoutí. Sama autorka v nich formou lyrické eseje popisuje vnímání samotného města a jejich obyvatel. V první eseji zdůrazňuje mystičnost města, jež je primárně dána jeho dynamičností a neuchopitelností: „Proč jen nechtělo to, co bylo za skly, klidně stát, nýbrž neustále plynulo kamsi dál jak v čase tak i prostoru?“ [Melniková-

Papoušková 1947: 5–6]. Stejnou dynamiku a amorfnost pak zdůrazňuje také v *Okouzlené Olomouci*: „Nic tu není stabilního a vše dostává nadpřirozenou monumentalitu. Z kašen, morových sloupů a pomníků vynikají jen obrovské detaily – tu koňský zadek, tam vzepnutá ruka extatického světce nebo osamocená hlavička cherubína. Kámen pokrytý sychravou mlhou se leskne jako kov. Okouzlené město si hraje na schovávanou samo před sebou. Pořádilo pro svou potěchu fantastický karneval, který přenáší mimo čas a prostor.“ [Melniková-Papoušková 1949: 8–9]. Obě eseje mají také charakter jakési vzpomínky, v rámci které se uzavírá jeden životní cyklus autorky: „Na jeho sametovém pozadí začíná prosvítat v bezhvězdném nebi svítící ciferník orloje na radniční věži. Ohnivě písmo žhavé doby, která se zapisuje do nekonečna. Ať je ke cti města, jež otevřelo brány a přijalo nás do svého tajuplného náručí.“ [Melniková-Papoušková 1947: 20–21].

Koncem 40. let se Melniková-Papoušková naplno věnuje přípravě několika článků věnovaných lidovému umění (zejména v Lidových novinách, Literárních novinách a v periodiku Naše domácnost), ale také intenzivní propagaci Ústředí pro lidovou a uměleckou tvorbu (ÚLUV), jež bylo v roce 1948 spojeno se Svazem československého díla a stalo se v podstatě jediným prostředkem propagace lidové kultury a umění u nás [Žižková, 2009]. Od začátku 50. let je činnost Melnikové-Papouškové spojena s výstavní síní Ars nakladatelství Melantrich, kde podle dochované korespondence působila na příjmu uměleckého zboží, čímž byla prakticky zodpovědná za selekci uměleckých děl a tvorbu galerijního portfolia. Sama také důrazně trvala na tom, aby díla nebyla přijímána bez její přítomnosti [LA PNP, 10. 2. 1953 a 4. 4. 1953]. I když je z této doby zachováno mnoho odborných či populárních příspěvků v časopisech Tvar, Věci a lidé či Umění a řemesla, sama Melniková-Papoušková se spíše soustřeďuje na sběratelskou činnost a organizaci výstav (např. O ženě a pro ženu, 1953). Zároveň se také již podruhé ve svém životě věnuje přípravě pojednání věnovaného osudům Petra Bagrationa, jenž měl být vzdáleným příbuzným její matky N. A. Lomidze [Firsov 2012: 194]. Poprvé se Melniková-Papoušková tímto tématem zabývá v článku Lidových novin *Krásná Sidonie* [Melniková-Papoušková 1948: 5], kde mapuje osudy baronky na pozadí příjezdu generála Suvorova a Bagrationa do Prahy. V druhém případě se však, podobně jako u esejí *Pohled z mého okna* a *Okouzlená Olomouc*, jedná o autorčino lyrické pojednání věnované událostem spojenými s návštěvou Bagrationa. Vydání *Na rozhraní lásky, života a smrti* (1960) se dočkalo pouze soukromého výtisku s nákladem 55 kusů, tentokrát s dřevoryty V. Komárka a celkově bylo určeno ke 160. výročí Bagrationovy návštěvy Prahy [Melniková-Papoušková 1960: 24].

Od začátku 60. let se Melniková-Papoušková soustředí již plně na publikaci odborných i popularizačních statí, které jsou na rozdíl od předchozí doby výhradně zaměřeny na lidové umění, architekturu a prezentaci neznámých umělců veřejnosti. Kromě toho organizuje a uvádí výstavy zejména mladších a neznámých malířů, keramiků a grafiků. Mezi takto „objevené“ umělce patří přední český grafik a malíř Vladimír Komárek [Samšiňák 2015: 47]. Jejich bohatá korespondence z 60. let nesoucí primárně pracovní charakter čítá přes 600 dopisů. Melniková-Papoušková v té době intenzivně pracuje na jeho několika výstavách. Kromě toho byla jakousi Komárkovou patronkou, na což také ne příliš pozitivně reagovala umělecká komunita. To dokládá např. jedna z jeho „stížností“: „To víte, hlodá je to všechno, co dělám a mám a jediná obhajoba pro ně je ta, že to stejně všechno Papoušková. Jináč sám nic nedokáže.“ [SOKA ČL 59/11].

V téže době spolupracuje Melniková-Papoušková s jindřichohradeckým umělcem a jedním z posledních představitelů českého dadaismu V. Holubem, jejichž více než desetiletá spolupráce (1962–1973) vyústila v přátelství trvajícím do smrti Melnikové-Papouškové. Jejich vzájemná korespondence je tak cenným dokladem a zároveň jakousi reportáží posledních let života Melnikové-Papouškové, pro které již byla typická určitá letargie a také odmítání její osobnosti ze strany společnosti: „V každém případě jsem s nervy u konce a nemůžu pořádně pracovat. Také proč? Tisknout není kde a do šuplíku mě to nebaví. Celý svůj život jsem to dělala pro lidi. Teď i lidé mimo malého kroužku přátel jsou mně protivní.“ [LA PNP, 5. 2. 1973].

Od poloviny 60. let je její osobnost spojována se Šolcovým statkem v Sobotce. V té době se jednalo o naprosto unikátní galerii, jež byla založena Karlem Samšiňákem. Právě zde Samšiňák pořádal výstavy, které často Melniková-Papoušková buď sama organizovala, nebo uváděla. Unikátnost místa spočívá především v tom, že od července roku 1974 je tato instituce provozována soukromníkem bez jakékoliv regulace či nařízení státní moci. Podle vzpomínek Jana Samšiňáka se tak jednalo o jednu z mála soukromých galerií, a i když byla formálně zastřešena státními institucemi (Spolek sběratelů a přátel exlibris v Praze, Osvětová beseda v Sobotce, nakladatelství Albatros), její reálné portfolio určoval právě Karel Samšiňák. Spolu s festivalem Šrámkova Sobotka se tak Šolcův statek stal vedoucí platformou pro umělce, již teprve začínali tvořit nebo byla jejich tvorba zakázána, jako to bylo např. u grafika Oldřicha Kulhánka, který měl v té době přísný zákaz vystavování [Samšiňák 2015: 55]. V té době se také Karel Samšiňák, který působil na Entomologickém ústavu AV a kde také pořádal skromné výstavy několika umělců, seznamuje přes výtvarníka Iva Holého s Melnikovou-Papouškovou. První výstavou, kterou v Sobotce Naděžda Filaretovna

zahajovala, byla prezentace „Primitivní malíři“ v roce 1967. V polovině 60. let vzniká silné přátelství mezi ní a keramičkou Hanou Benešovou, které trvalo až do smrti Naděždy Filaretovny. Byla tak jednou z mála osob, která s ní trávila poslední léta doprovázená letargií a tvůrčí stagnací. Naděžda Filaretovna zemřela 10. 7. 1978 a díky iniciativě rodiny Samšiňákových je dnes pohřbena v jejich rodinné hrobce v Sobotce. Velkou část její pozůstalosti spravuje Státní okresní archiv v České Lípě, muzeum v Lomnici nad Popelkou a Uměleckoprůmyslové museum v Praze.

Do dnešní doby byly velice podrobně probádány ruské osudy Melnikové-Papouškové. Kromě doposud neznámé soukromé korespondence z 30. a 40. let by si v budoucnu jistě badatelskou pozornost zasloužilo také její lektorské portfolio, jež čítá několik set přednášek o české a ruské kultuře. Díky tomu by mohla být mozaika osudů jedné z nejzajímavějších představitelk ruské emigrace úplnější a poskytla by nový a netradiční pohled na česko-ruské vztahy minulého století.

POUŽITÁ LITERATURA

ARCHIVNÍ PRAMENY:

Archiv *Univerzity Palackého v Olomouci* (AUPvO), i.č. 1, Osobní složka Melnikové-Papouškové, Pověření přednáškami o lidové kultuře na pedagogické fakultě Palackého university v Olomouci, 14. 11. 1946

Tamtéž, i.č. 27, Osobní složka Melnikové-Papouškové, dopis ze dne 19. 5. 1946

Tamtéž, i.č. 29, Osobní složka Melnikové-Papouškové, Průvodní listina – žádost o uhrazení služební cesty

Tamtéž, i.č. 10, Osobní složka Melnikové-Papouškové, Urgence cestovních účtů – proplacení, 10. 6. 1947

Literární archiv Památníku národního písemnictví (LA PNP), fond Melantrich, dopis z 10. 2. 1953

Tamtéž, dopis z 4. 4. 1953

LA PNP, fond Holub Vladimír, dopis z 5. 2. 1973

LA PNP, fond Ljackij Jevgenij Alexandrovič, dopis z 24. 1. 1923

LA PNP, fond Zrzavý Jan, dopis z 28. 3. 1945

Státní okresní archiv Česká Lípa (SOKA ČL), fond Pozůstalost Naděždy Melnikové-Papouškové, i. č. 2, kart. 1, Rodný list o narození N. Melnikové-Papouškové

Tamtéž, i. č. 14, kart. 1, Diplom moskevské vysoké školy

Tamtéž, i. č. 15, kart. 1, Index Karlovy univerzity

Tamtéž, i. č. 59, kart 11, Korespondence Komárek V. (1963–1975), dopis z roku 1963 (přesněji nedatováno)

Tamtéž, i. č. 59, kart. 7, Korespondence Bogatyrev P., dopis z 2. 5. 1931

Tamtéž, i. č. 59, kart. 21, Korespondence Zamjatin E., dopis z 5. 3. 1932

Tamtéž, Korespondence Zrzavý J., dopis z 16. 6. 1944, 16. 9. 1944

Ústav dějin Univerzity Karlovy a archiv Univerzity Karlovy (AUK), fond Filozofické fakulty UK, studijní katalog FF z roku 1919/20, zimní semestr, National

ROZHOVORY:

Rozhovor s Janem Samšíňákem, majitelem Šolcova statku. Sobotka 13. 6. 2017.

Rozhovor se Sylvou Benešovou, dcerou sochařky Hany Benešové. Úvaly u Prahy 13. 6. 2017.

PRIMÁRNÍ LITERATURA:

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1948): Krásná Sidonie. *Lidové noviny*. 1948, 56(250), s. 5.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1960): *Na rozhraní lásky, života a smrti*. Praha.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1947): *Okouzlená Olomouc*. Praha.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1947): *Pohled z mého okna*. Praha.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1949): Poklady, jež je možno nalézt na každém kroku. *Osvobozený našinec*. Olomouc, 1947, 80(109), s. 68.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1929): *Rusko z blízka i z dálky*. Praha: Svaz národního osvobození.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1933): *SSSR v satíře i humoru*. Praha: Orbis.

MELNIKOVÁ-PAPOUŠKOVÁ, N. F. (1932): Z mých setkání a rozmluv s Jevgenijem Zamjatinem. *Rozpravy Aventina*. 1932, 7(16), s. 126.

МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА, Н. Ф. (1920): *Русская поэзия XX столетия*. Прага: Наша речь.

SEKUNDÁRNÍ LITERATURA:

PLÁŠILOVÁ, L. (2001): První tkáňová banka a prof. MUDr. Rudolf Klen, DrSc. Plášilová, L. In: *Mezinárodní sympozium k dějinám medicíny, farmacie a veterinární medicíny* (5.). 26.-29. června 2001, Hradec Králové. Abstrakta / Hradec Králové : Vojenská lékařská akademie J. E. Purkyně, s. 82.

SAMŠIŇÁK, J. (2015): *Šolcův statek v Sobotce: Historie, lidé, umění*. Vladimír Němeček.

VONDRÁČKOVÁ, J. (2014): *Mrazilo - tálo: (o Jiřím Weilovi)*. Praha: Torst.

ФИРСОВ, Е. (2012): *Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков*. Москва: Индрик.

ELEKTRONICKÉ ZDROJE:

ŽIŽKOVÁ L. (2011): *Slavné počátky a neslavné konce Domu uměleckého průmyslu, Krásné jizby a ÚLUV* (12. 6. 2017). <http://www.designcabinet.cz/slavne-pocatky-a-neslavne-konce-domu-umeleckeho-prumyslu-krasne-jizby-a-uluv>

ФИРСОВ, Е. (2003): Мecenat и Мир: Счастливей финал бутырской love story чеха Ярослава Папоушека (18. 6. 2017). <http://www.mecenat-and-world.ru/21-24/firsov1.htm>

PROFIL AUTORA:

Mgr. René Andrejs

V současné době studuje doktorský program Srovnávací slovanská filologie. Odborný zájem: česko-ruské literární vztahy ve 20. a 30. letech, ruská a česká avantgarda. V současné době vede praktikum anglického jazyka a seminář věnující se kultuře ruské avantgardy.

Katedra slavistiky Filozofické fakulty
Univerzity Palackého v Olomouci
Křížkovského 10
CZ-771 48 Olomouc

www.slavistika.upol.cz
reneandrejs@gmail.com

Michala Benešová, Renata Rusin Dybalska, Lucie Zakopalová a kol.: *Fenomén: Polská literární reportáž*. Praha, Karolinum, 2016, 202 s., ISBN 978-80-246-3282-7.

K zásluhám pražské polonistiky posledních let patří intenzivní snaha o propagaci polské reportážní beletrie v českém prostředí. Její členky a absolventky, zejména Michala Benešová, Lucie Zakopalová, Anna Plasová, Barbora Gregorová, Jarmila Horáková a další, stojí za mnoha překlady vydanými v posledních letech, ať už jde o texty Lidie Ostałowské, Pawła Smoleńského, Witolda Szablowského či Margo Rejmer (všechny vyšly v edici *Polské reportáže* nakladatelství Dokořán), podílely se také na vydání antologie *20 let nového Polska v reportážích podle Mariusze Szczygiela* (2014). Ve stejném roce se na Filozofické fakultě Univerzity Karlovy a v Polském institutu v Praze konalo setkání *Fenomén: Polská literární reportáž*, jehož výstupem je stejnojmenná kolektivní monografie. Setkání a diskuse se tehdy účastnila řada zajímavých hostů, kteří jsou s tématem úzce spojeni, kromě reportérů i redaktoři vydavatelství a zástupci polských vědeckých kruhů. Monografie tak shrnuje výsledky dlouhodobé snahy upřít pozornost české čtenářské veřejnosti na polskou literární reportáž jakožto fenomén nemající přinejmenším ve střední a východní Evropě obdoby.

Není to však jen polská literární reportáž, ale i širě pojatá literatura faktu, jež se v posledních letech prosazuje v edičních plánech českých vydavatelství a do jisté míry tak supluje nedostatky domácího českého výzkumu. Z posledních dvou let připomeňme beletrizovanou studii polské bohemistky Anny Militzové o životě a díle kontroverzní osobnosti českého undergroundu 50. a 60. let Jany Krejcarové-Černé (2015), knihu o uměleckém životě v Paříži počátku 20. století *Apollinaire* od Julie Hartwigové (1. vydání 1966, 2. vydání 2017), životopis Felixe Dzeržinského (2015) nebo nejnovější knihu na hranici reportáže, historické studie a eseje *Ach, ty Češky!* v Česku žijícího Mariusze Surosze (2017). Situace, kdy polští autoři zpracovávají i ryze česká témata, jichž si doposud domácí novináři a vědci nevšímali, není nová: už v *Gott-*

tlandu (2007) se Mariusz Szczygieł pozastavoval nad tím, že se příběhem sochaře pražského Stalinova pomníku nebo Kafkovy sestřenice dosud nikdo nezabýval.

Dle názvu monografie by čtenář usuzoval, že se kniha věnuje čistě polské reportáži. Velký prostor je však věnován také analýze situace a postavení reportážního žánru v České republice (a to v minulosti i dnes) a vzájemnému srovnávání. Hned první kapitola přináší srovnání pojetí a žánrového vymezení reportáže z českého a polského hlediska. Všimá si jejího „hraničního charakteru“, přičemž konstatuje, že česká tradice méně reflektuje její literární, umělecké kvality či aspekty. Využívání postupů typických pro beletrii přitom může nabývat širokého spektra podob. Michala Benešová si všimá zejména častého cestopisného nebo deníkového narativu, neméně významné je i záměrné zdůrazňování reportéra jakožto autorského subjektu. Kolísání mezi objektivitou novinářského žánru a subjektivitou autorského přístupu je jedním z důležitých, opakujících se motivů hned v několika kapitolách.

Problematické je zařazení textů, jež se zabývají tímtež tématem. Například chronologický vývoj reportážního žánru tak nejprve popisuje Michala Benešová (srov. s. 21 – *Průkopníci polské literární reportáže*), vzápětí však téma zpracovává i Igor Borkowski (srov. s. 46 – *Polská novinová reportáž: historický nástin a dnešní situace*). Ze zamýšlené kolektivní práce se tak stává nevyrovnaný soubor statí, jež se vzájemně ignorují, ač pojednávají v podstatě o tomtéž. Příkladem může být paralelní shrnutí tvorby tří velkých „K“ (tedy Kapuścińského, Kąkolewského a Krallové) ve dvou po sobě následujících kapitolách (srov. s. 33, 51). Pokus o genologické zařazení a obecnější definici reportáže v důsledku nenajdeme na prvních stranách knihy, ale teprve po sto stranách výkladu, v kapitole Magdaleny Piechotové. Čtenáře, jenž chce knihu přečíst celou a postupně, brzy odradí opakování informací a variace již řečeného. Pokud si však bude vybírat a využije knihu jako pomůcku k dalšímu studiu, jeho očekávání bude zřejmě naplněno. Mnohokrát opakovaná teze o reportáži jakožto žánru synkretickém je tak velmi dobře aplikovatelná i na recenzovanou publikaci. Obsahem je totiž až nečekaně různorodá; dvě třetiny tvoří statí vědeckého či populárně-vědeckého charakteru od několika autorů, následované dvěma „případovými studii“ o tvorbě Pawła Smoleńského a Lidie Ostałowské. Celek doplňuje třetí a poslední část, písemné záznamy rozhovorů s významnými polskými reportéry současnosti (Szczygieł, Smoleński, Nowak, Ostałowska, Tochman, Budzińska). Někteří z nich už pronikli do povědomí českých čtenářů, o dalších bezpochyby ještě uslyšíme.

Jan Jeništa

Agata Skurzewská: *Omelan Patrycki i językoznaństwo preskrypcyjne w Galicji w II połowie XIX wieku*. Kraków, Wydawnictwo «scriptum» Tomasz Sekunda, 2016, 130 s., ISBN 978-83-65432-12-4.

Recenzovaná publikace se zabývá jazykovou situací Ukrajinců a jazykovědou na území Haliče (území rakouské Haliče) v druhé polovině 19. století, zejména vlivem lvovského učenice Omeljana Patryckého na proces formování a kodifikaci gramatických a lexikálních norem ukrajinského spisovného jazyka tohoto období. Třebaže solidní badatelské dědictví a všestranná aktivita v kulturním životě Haliče umožňují zařadit jazykovědce mezi významné ukrajinské obrozence, ve skutečnosti jde o osobu dlouhodobě zapomenutou a nedoceněnou. Pouze díky autorčinu důkladnému zpracování archivních materiálů na Ukrajině došlo k objevení dosud neznámých a nepublikovaných děl a k jejich následnému zveřejnění. Zároveň se vyskytla příležitost k popisu jeho přínosu v rámci vývoje jazykovědy na Ukrajině v druhé polovině 19. století.

Práce sestává ze tří kapitol, v první je zdařile zmapována jazyková situace v Haliči v 19. století, zejména status ukrajinského jazyka v tehdejších školách, vývoj ukrajinského písma, přehled gramatik, slovníků a jazykovědných časopisů a rovněž činnost vědeckých a kulturních organizací. Kromě toho autorka také popisuje užití ukrajinského jazyka na východní Ukrajině (bývalá součást ruského impéria). Na základě materiálu uvedeného v této kapitole je patrné, že se spisovný ukrajinský jazyk 19. století vyvíjel ve dvou variantách – západoukrajinské a východoukrajinské. Jako důvod vzniklé situace autorka uvádí, že na té části ukrajinského území, které bylo součástí ruského impéria, se ukrajinský jazyk kvůli řadě zákazů používání dostal do pozice pouhého místního nářečí ruského jazyka. Avšak v Haliči byla situace pro vývoj ukrajinského spisovného jazyka příznivější – ukrajinský jazyk získal status národního jazyka, což mu umožňovalo jeho následné uplatnění v různých sférách kulturního a společenského života. Zde autorka zmiňuje rovnoprávnost polského a ukrajinského jazyka vůči německému, konkrétně například vybojované právo vyučovat ve školách v mateřském jazyce. Proto formování spisovného ukrajinského jazyka ve dvou částech Ukrajiny probíhalo na pozadí odlišných historických, politických a kulturních podmínek. Nehledě na to se na vývoji ukrajinského spisovného jazyka podíleli jazykovědci jak z území haličského, tak z území ruského, o čemž svědčí faktický materiál první kapitoly recenzované monografie.

Druhá kapitola práce je věnována popisu života a filologické činnosti Omeljana Patryckého. Autorka charakterizuje jazykovědce jakožto aktivního účastníka vědeckého, kulturního a společenského života Haliče v 19. století. Omeljan Partyckyj byl profesorem ukrajinského jazyka na pedagogické škole ve Lvově, redaktorem, publicistou, jedním ze zakladatelů lvovské společnosti „Prosvita“, autorem četných učebnic a chrestomatíí pro výuku ukrajinštiny, a v neposlední řadě překladatelem „Slova o pluku Igorově“. Dále autorka popisuje jeho publikační činnost v tehdejších vědeckých časopisech a účast v diskuzi o ukrajinské ortografii. Za jednu z největších zásluh Omeljana Patryckého lze podle Skurzewské považovat jeho autorské dílo – první slovník německo-ukrajinský (Lviv 1867). Zajímavostí je, že jedním z inspirativních a nápomocných materiálů pro vznik autorského díla byl německo-český slovník J. Šumavského. Vydání prvního německo-ukrajinského slovníku bylo na území rakouské Haliče velkou oporou pro zavedení školní výuky v mateřském jazyce – ukrajinštině.

Ve třetí kapitole autorka velmi podrobně rozebírá další významné dílo Omeljana Patryckého – Gramatiku jazyka ukrajinského („Грамматика языка руского для вжитку в школах людових в Галичині“), která byla ve značné míře nejen odrazem haličské varianty ukrajinského jazyka, ale také ovlivňovala jeho normalizaci, přispívala ke sblížení se standardy všeobecně ukrajinskými. Gramatika O. Patryckého byla vydána pětkrát. V každém z těchto vydání byla v největší možné míře provedena modifikace gramatické terminologie v návaznosti na předešlé práce, na změny pravidel pravopisu a také pod vlivem gramatik ukrajinského jazyka od jiných autorů. Dále se autorka obrací k historicko-kulturnímu kontextu dvou oddělených částí současné Ukrajiny a píše, že gramatiky ukrajinského jazyka, které vznikaly v 20. letech 19. století, často místo názvu ukrajinský jazyk používaly název rus'ký nebo malorus'ký jazyk (ukr. *руський, малоруський*). Zároveň autorka zdůrazňuje, že na obrození ukrajinského jazyka a formování jeho spisovné varianty měli velký podíl představitelé církve. Tímto faktem se dá vysvětlit vliv staroslověnštiny a církevní slovanštiny na vytvoření gramatik ukrajinského jazyka. Právě v tomto období při formování obou variant spisovného ukrajinského jazyka chyběly prvky živého národního jazyka (*живої народної мови*). Tehdejším vzorem pro vznik ukrajinských gramatik v Haliči byly gramatiky staroslověnštiny M. Smotryckého, J. Dobrovského a také gramatiky ruského jazyka A. Vostokova, M. Lomonosova a dalších autorů. Dále v této kapitole nacházíme detailní popis gramatiky O. Patryckého s uvedením konkrétních ukázek skloňování podstatných jmen, přídavných jmen a jiných slovních druhů, částečně též popis syntaxe s následující analýzou případných změn v dalších pozdějších vydáních této ukrajinské gramatiky.

Na závěr autorka monografie píše, že velkou zásluhou O. Patryckého je to, že ve svých gramatikách propagoval a zdokonaloval morfologické tvary, které jsou blízké současným formám ukrajinského spisovného jazyka. Kromě toho měl O. Partycky jvelký vliv na vývoj ukrajinské jazykovědné terminologie. K současným termínům, které poprvé použil právě on, zejména patří: відміна (deklinace), зв'язка (spojka), іменник (podstatné jméno), прикменник (přídavné jméno), прислівник (příslovce), речення (věta). I když dle autorky O. Partyckij neprovedl v oblasti gramatické teorie žádné inovace, je třeba uznat jeho podíl na precizním sepsání kategorie sloves: zejména systém konjugace celkově odpovídá současné klasifikaci.

Na recenzované publikaci oceňujeme přehledný popis jazykového statutu ukrajinského jazyka v době rakouské Haliče skrze jazykovědné dědictví doposud málo známé a zatím nedoceněné osobnosti lvovského filologa a pedagoga Omeljana Patryckého. Práce je velmi přínosná pro studium a výzkum vývoje ukrajinského jazyka, zejména pro oblast srovnávací slovanské filologie. A protože je napsána polsky, přiblíží jméno významného ukrajinského jazykovědce širokým kruhům polského vědecko-kulturního akademického prostředí. Lze tedy říci, že pokus o analýzu jazykového historicko-kulturního prostředí skrze vědeckou činnost Omeljana Patryckého se autorce vydařil.

Uljana Cholodová

Тамара Гундорова: *Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми*. Київ, Грані-Т, 2013, 546 с., ISBN 978-966-465-292-3.

Ukrajinská kultura se posledních dvacet pět let nachází ve fázi hledání vlastní identity, ve fázi vymezení své pozice vůči evropské a ruské kultuře a pokouší se navázat na vlastní kořeny předsovětského období.

Kniha odborných článků a esejů s názvem *Tranzitní kultura. Symptomy postkoloniálního traumatu* současné ukrajinské literární badatelky Tamary Hundorové reflektuje pozici současné ukrajinské kultury, otevírá zakázaná či bolestivá témata spojená s příchodem svobody a nezávislosti v literárním umění. Tamara Hundorová přináší do ukrajinské literární kritiky nové pohledy a komparuje situaci ve své rodné zemi s uměleckými směry a procesy v Evropě i zámoří. Díky svému působení v Kanadě, USA, Německu usazuje ukrajinskou literaturu do kontextu modernismu a postmodernismu světového a sleduje postkoloniální aspekty v současné ukrajinské literatuře.

Ukrajinská literatura a kultura se nachází ve fázi přestupu (tranzitu) z minulosti do přítomnosti, ale také z přítomnosti do budoucnosti. Ocitá se ve fázi vymaňování se z politického totalitarismu, kulturního kolonialismu a reálného socialismu a směřování k obnově morálních principů a lidských hodnot. Hundorová otevřeně volí postkoloniální přístup ke studiu problematiky, neboť ten umožňuje kromě protimperiálních strategií a ideologií také zahrnout otázky globalizace, multikulturality a hlediska národnostní, rasové, genderové, třídní či generační. Pro současnou ukrajinskou literaturu je taková směsice přístupů a experimentů v umění více než příznačná. Hlavním rysem současné situace v ukrajinské literatuře je názorová generační diferenciace (markantní rozdíly mezi starou a současnou generací, lišící se kolektivní paměť, která rozdílně vnímá totalitní zkušenost) – Hundorová označuje současnou kulturu jako posttraumatickou.

Monografie je rozdělena do pěti větších kapitol. Kapitola první má název *Po resentmentu: postkoloniální symptom* a osvětluje především rozdíly ve vnímání orientalismu v díle Edwarda Saida a tzv. vnitřní kolonizace v případě Ruské říše, která si vlastně osvojovala země uvnitř sebe sama. Hundorová představuje významné dílo ukrajinského modernismu a postmodernismu. V modernistickém díle objevuje antikoloniální románový narativ (A. Krymskyj – *Andrij Lahovskyy*), v textech současných autorů dokazuje provázanost postmodernismu (kosmopolitismus, mísení literárních a kulturních tradic, axiologický pluralismus) a postkolonialismu (Ju. Andruchovyč a Andrzej Stasiuk – Moja Europa).

Ve druhé kapitole monografie s názvem *Postsovětský román: generační symptom*. Hundorová popisuje symptomy pozorovatelné u současné generace, zkoumá chování a proměny hrdinů v románech Oksany Zabuzkové a Jevhenije Kononenkové. V této kapitole se mimo jiné setkáváme s termíny odhalujícími rysy nového typu ukrajinského románového hrdiny „losera“ (bloumajícího, nevyhraněného jedince bez rodičů, bez domova, sociálního outsidera) a seznamujeme se s hlavními atributy současné ukrajinské umělecké společnosti (nová extravagance, neorganické tělo, generační autismus, nemocná traumatizovaná společnost). V době, kdy hrdinu nedeterminuje všudypřítomný symbol vládnoucího Otce a v rodném domě nečeká skoro až sakrálně pojímaná postava matky, individualita hlavního hrdiny ztrácí pocit jistoty a zázemí, ocitá se v prázdnotě, bloudí, hledá, potuluje se (Andruchovyč Ju., Žadan S., Antonyč B. I.). Looser stojí v opozici dalším současným sociálním a konzumním rolím – ajťák, bohém, hipster, macho apod., nemá výrazně vymezené genderové, sociální či profesní zaměření, vznáší se v prázdnotě, neví, plyne. Současný looser vyrůstá v prostředí posttotalitní tzv. „bezbatkivščyny“ (rodná vlast, která přestala mít rysy země, na kterou může být hrdina hrdý, rodná vlast bez otce a matky) a postmoderního bezdomovectví. V této kapitole je věnován značný prostor specifickým ukrajinské poezie na prahu nového tisíciletí. Hundorová nejprve důkladně kategorizuje poezii podle směru, ke kterému se blíží, ale postupně se dostává k popisu poezie jako mnohovers-
tevnatého jevu, v němž je nutné typologizovat témata a motivy dle drobnějších kritérií (způsob identifikace lyrického hrdiny, charakterové vlastnosti, způsob práce s básnickými prostředky, pojetí metaforiky, volba prostředí, experiment a podobně), vše pečlivě dokazuje na ukázkách veršů S. Bohdanová, O. Kocareva, M. Lazutkina, B. Matijaš a O. Slyvynského.

Třetí kapitola hodnotící proměny literárního světa Ukrajiny během 20. století v závislosti na politické a ekonomické situaci země má název *Literární tržnice: symptom trhu*. Hundorová vysvětluje souvislosti literární tvorby, úrovně kultury a ekonomického (komerčního) pozadí v zemi. Poměrně zevrubně se zabývá pojmem literární pole, jež je jednak tržním prostorem (ve smyslu reakcí nabídky-poptávky nebo konkurenceschopnosti literatury), ale také prostředkem boje za autonomnost a nezávislost. V této souvislosti seznamuje čtenáře s významem almanachu *Literaturnyj jarmarok*, který vycházel na konci 20. let 20. století v Charkově a značně formoval vnímání kultury a literatury. Ukrajinská tvorba konce 20. století a počátku 21. století v podstatě přirozeně navazuje na uměle přetržené směřování z dob „ukrajinské literární diskuse“ let 1925 – 1928, kdy ještě funkce literatury demokraticky vyplynula z definic modernismu a nálad společnosti. Součástí třetí kapitoly je osvětlení postmoderního vypořádání se s ukrajinskými klasiky a jejich

současné přehodnocování. Jak píše Hundorová: „Popkultura přetváří klasiky na metonymické fragmenty,“¹ a své tvrzení rozvádí v analýze současného vnímání spisovatelských počinů Tarase Hryhorovyče Ševčenka.

Předposlední kapitola *Černobyl a post-apokalypsa* zkoumá recepci černobylské katastrofy, která aktivizovala nové způsoby vnímání kolektivního a individuálního a taktéž formovala nové způsoby předávání informace. Podle Hundorové se tragédie stala mezníkem ve sféře politické, sociologické, kulturní i historické, změnilo se vnímání svobody. V poezii se v souvislosti s černobylskou katastrofou objevují básně antikoloniálně apokalypticky zabarvené (Ju. Tarnavskij, I. Drač, Je. Sverstjuk, L. Kostenková), v próze pak dominuje podtext globální sovětské humanitární krize. Jistá dávka všudypřítomného katastrofismu je dle Hundorové dána „masáží sdělovacími prostředky, příliš realistickými simulacemi a virtuální vizualizací všemožných dalších neštěstí“².

Závěrečná, pátá kapitola, nese název *Trans-kód: symptom kýče*. Hundorová s nadhledem konstatuje, že v tak složité situaci hledání sebe sama, dostává kýč velmi dobrou šanci proniknout do všech sfér umění, včetně literárního, což se děje. Po představení vnímání kýče německými, britskými, americkými, ruskými a běloruskými vědci se dostáváme na Ukrajinu, kde jednotliví autoři pracují s kýčem různými způsoby. Kapitola se věnuje detailněji formování pop kultury skrze v současnosti dostupné sdělovací prostředky, sociální sítě a nejrůznější mobilní aplikace, které umožňují nepřetržitý přístup uživatelů. To, že je posttotalitní ukrajinská kultura spojená s genderovou otázkou a že gender dnes nabývá performativních a imagologických forem, dokazuje Hundorová na dvou osobnostech, jejichž popularita dosáhla na Ukrajině vrcholu. Jedná se o bussines-woman a někdejší premiérku Juliji Tymošenkovou a nejvýraznější produkt ukrajinské popkultury Věrku Serdjučkovou.

Profesorka Hundorová v knize *Tranzitní kultura. Symptomy postkoloniálního traumatu* přehledně mapuje současný stav ukrajinské literatury, vysvětluje příčiny vznikajících kulturních fenoménů a zasazuje současné kritické přístupy literární vědy do kontextu literárního vývoje na Ukrajině. V monografii je patrná zahraniční zkušenost Hundorové z věhlasných univerzitních pracovišť (Toronto, Harvard, Yale, Manitoba, Mnichov, Greifswald) a velmi komplexní a široký přehled v oblasti světové kultury a literatury se vždy koncentruje na ukrajinské prostředí. Hundorová kontextuálně interpretuje reakce ukrajinské společnosti na novou situaci: život ve svobodném státě po dlouhodobé izolaci od Evropy a zbytku světa. Zevrubně kome-

¹ Hundorová, T. *Tranzitní kultura*. Kyjev: Hrani-T, 2013, str. 363.

² Hundorová, T. *Tranzitní kultura*. Kyjev: Hrani-T, 2013, str. 406.

tuje důvody a kontext vzniku jednotlivých symptomů typických pro dnešní ukrajinské prostředí a analyzuje konkrétní projevy jisté zakomplexovanosti v současné tvorbě. Na druhou stranu jsou však reakce na uměleckém poli chápány jako přirozeně vyplývající ze zkušeností prožitých ve 20. století, ale i v současnosti.

Z monografie je patrné, že k pochopení složitosti současného stavu ukrajinské tvorby je nutno znát široké kontexty historické, politické, sociální i kulturologické. Hundorová dokazuje, že ukrajinská kultura a literatura je živý organismus připravený vyrovnat se s uměleckým prostředím vyvíjejícím se ve 20. století přirozenou svobodnou cestou. V knize nechybí analýza forem i žánrů, stylů i témat, která v mnoha ohledech dokazuje příslušnost ukrajinské literatury k evropské. Ukrajínští spisovatelé jsou představováni jednak v kontextu své generace, ale také v rámci obecnějšího literárněvědného přístupu, který neznalému čtenáři mnohé vyjasní a uvede fakta do správných souvislostí.

Radana Merzová

Михаил Эпштейн: *От знания – к творчеству: как гуманитарные науки могут изменять мир.* Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2016, 480 с., (Humanitas), ISBN 978-5-98712-601-1.

Книга известного филолога, философа, культуролога, профессора университета Эмори (США) М. Н. Эпштейна представляет собой итог многолетних размышлений над значением, ролью и потенциалом гуманитарных наук в современном обществе, их сосуществовании с науками естественными и общественными. В этой книге собраны работы ученого за последние несколько лет, которые посвящены «практическому измерению гуманитарных наук, их творческому воздействию на язык, литературу, мышление, вообще мир человека», а также развиваются идеи, которые были рассмотрены в таких книгах, как, например, «Философия возможного» (СПб., 2001), «Знак пробела: О будущем гуманитарных наук» (М., 2004) и др. Проблемы, к которым ученый обращается и разрабатывает более детально, – это преобразовательный потенциал некоторых наук (философии, культурологии, лингвистики и литературоведения); формирование новых гуманитарных дисциплин; взаимодействие гуманитарного и научно-технического сознания; методы и жанры интеллектуального творчества.

Целью автора является не только охарактеризовать и заставить читателей осознать кризис, в котором находятся гуманитарные науки, но и предложить из него выход. М. Н. Эпштейн оперирует термином «гуманистика», который считает более удачным и более комплексным, чем «гуманитарные науки» и под которым понимает совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих человека и человечество (философия, культурология, филология, искусствознание и ряд других), и гуманитарные технологии, практики преобразования культуры. Гуманистика, по Эпштейну, – это «область *самопознания и самосозидания* человека и человечества», конструктивная задача которой – в строительстве новых понятий, знаков, образов человека, характеризующаяся при этом неотделимостью «*человековедения от человекотворчества*». Автор оперирует понятием «культуроника», обозначающим практику гуманитарных наук, гуманистики и направленным на преобразование культуры (по аналогии с техникой, которая преобразует природу, и политикой, меняющей общество). Следующее понятие, вводимое Эпштейном, – «гуманитарные технологии». Оно включает в себя основанные на гуманитарных науках искусства (практики) преобразования культу-

ры. Без практического применения, считает автор, гуманитарные науки теряют свой смысл и приобретают архивный характер.

В восьми разделах книги автор раскрывает творческий потенциал гуманитарных наук: от описания кризиса, в котором гуманитарные науки находятся, необходимости и важности изобретательской деятельности в культуре (1-й раздел), от специфики гуманитарного творчества и изобретательства, методов создания новых идей (2-й раздел), от взаимодействия гуманитарного сознания с научно-техническим (3-й раздел), к постижению динамики культурных процессов, ведущих в пространство транскультуры, строительству новой культуры (4-й раздел), к трактовке роли философии, ее конструктивности и синтезу с новейшими технологиями, а также меняющемуся отношению к языку – от анализа к синтезу (5-й раздел), к переосмыслению роли лингвистики в развитии языка, ее вкладу в системное обновление национального языка (6-й раздел), к трансформации понятия литературы и художественного творчества посредством выстраивания новой типологии текстуальных формаций и введения новой дисциплины – скрипторики, объектом изучения которой является не письмо как таковое, а пишущий (7-й раздел), к проблемам авторства, интеллектуальной среды и творческой коммуникации в гуманитарных науках (8-й раздел).

По мнению автора, гуманитарная составляющая присуща и естественным, и общественным наукам, социальным и политическим областям, так как и они связаны с потенциалом человека, служат его раскрытию и являются материалом его изучения. «Будущее гуманистики, – пишет Эпштейн, – это большие созидательные и миропреобразовательные проекты, в которых гуманитарные науки будут участвовать во взаимодействии с естественными и общественными». А гуманитарные науки – это, по мнению ученого, «не просто зеркало, в котором мы видим себя; это магический кристалл, в котором преломляются возможности человека и множественные варианты будущего».

Аргументированность, комплексность и системность, междисциплинарный характер, концептивность, широкое видение проблематики, базирование на апробированных результатах (в качестве примера можно привести активное словотворчество самого ученого и руководство проектом «Неологизм года», его деятельность в созданном при Даремском университете Центре гуманитарных инноваций) – все это присуще новой работе Михаила Эпштейна.

Смысл данной книги – в прокладывании путей в будущее гуманитарным наукам. Автор, предлагая программу создания человеком новой реальности, говорит и о создании человеком самого себя.

Книга будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей.

Екатерина Микешова

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica),

jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo docx (např. novak.docx, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně

názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract.

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words.

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat. Mezititulky neoddělovat mezerami. Je nutno povolit funkci „dělení slov“.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Obsáhlejší ukázky z krásné literatury nebo lingvistické příklady uvádějte dle následujícího vzoru:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988, 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сіетла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica* XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Elektronické zdroje:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права публиковать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica), jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением doc. или docx. (например, *novak.doc* или *novak.docx*).

Структура статьи

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова Abstract. Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой Key Words).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать. Необходимо включить функцию «расстановка переносов».

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным. Большие по объему цитаты из художественной литературы или лингвистические примеры оформляйте по следующему образцу:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988, 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сіетла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Цитаты выделяют кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*.

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Электронные источники:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации

Электронная почта автора